

Рб $\frac{45}{393}$

В. Вундтъ.

801-19

122

ГИПНОТИЗМЪ И ВНУШЕНІЕ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Н. Колубовской.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Спб. Акціон. Общества «Издатель».

1898.

Дозволено цензурою. Москва, 18 февраля 1898 года.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

45384-55

Типография Спб. Акционерного Общества „Издатель“.
С.-Петербург, Ковенский пер., № 14.

Оглавление.

	<i>Стр.</i>
I. Явление гипноза	16
II. Къ физиологии и психологии гипноза и внушения	28
III. Внушение, какъ экспериментальный методъ	102
IV. Практическое значеніе гипноза	120

Статья Вундта появилась первоначально въ его Philosophische Studien (г. VIII). Во время печатанія перваго изданія предлагаемаго перевода появился отдѣльный оттискъ ея съ большими вставками и поправками. Всѣ онѣ приняты во вниманіе въ русскомъ изданіи. Переводъ сдѣланъ съ согласія проф. Вундта.

Гипнотизмъ и внушеніе.

Въ научномъ приложеніи одной изъ нашихъ почтенныхъ газетъ нѣсколько времени тому назадъ появилась статья о „психологическихъ обществахъ“, на которую можно было смотрѣть какъ на воззваніе ко всей массѣ образованной публики, съ цѣлью направить интересъ къ такой области, которая до сихъ поръ, по мнѣнію автора, слишкомъ мало составляла предметъ дѣятельности обществъ, и пригласить къ самому широкому въ ней участию ¹⁾. Задача этихъ психологическихъ обществъ состоитъ, — такъ говорилось намъ въ поученіе, — въ занятіяхъ такъ называемыми „тайными науками“, этими „падчерицами профессиональной науки“. А подъ ними будто бы слѣдуетъ понимать всѣ явленія, выходящія за предѣлы обычнаго теченія душевной жизни, и прежде

¹⁾ Allgemeine Zeitung 1889, № 288, приложеніе.

всего *гипнотизмъ*. Только благодаря ему, можно создать настоящую „экспериментальную психологию“. Все же другое, что только ни называется этимъ именемъ, какъ, напримѣръ, психофизика, идетъ къ дѣлу будто бы „только окольнымъ путемъ“. Только гипнотизмъ далъ возможность искусственно „поставить живой объектъ опыта въ различныя условия, охватывающія всего человѣка“, — онъ одинъ, такимъ образомъ, допускаетъ „прямое примѣненіе опыта къ области душевной жизни“. Кто хочетъ удалить его въ пріемную врача, тотъ, по мнѣнію автора, не понимаетъ его истиннаго значенія. Дѣло психологовъ и, главнымъ образомъ, „лабораторій психологическихъ обществъ“ заниматься гипнотизмомъ. При этомъ онъ представляетъ ту выгоду, что требуетъ „сравнительно небольшой суммы специальныхъ знаній“ и, несмотря на это, даетъ надежду на чрезвычайно обильный источникъ неожиданныхъ знаній. Другія области тайныхъ наукъ, каковы: переносъ мыслей, одилизмъ, месмеризмъ и медиумизмъ, которыя хотя еще и подвержены сомнѣнію, но все же требуютъ тщательнаго изслѣдованія, не такъ пригодны, по мнѣнію автора, быть предметомъ психологии, отчасти потому, что онѣ болѣе подлежатъ вѣдѣнію физики, а отчасти потому, что, повидимому, желательно пока ограничить и безъ того уже слишкомъ богатую область изслѣдованія новой „экспериментальной психологии“.

Но съ этимъ ограниченіемъ, которое рекомендуется авторомъ воззванія, не согласился другой корреспондентъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ той же газеты ¹⁾. Такъ разграничивать эти области — совершенный произволъ. Положимъ, въ виду практическихъ соображеній дѣлсообразно „приняться прежде всего за гипнотизмъ“. Но уже его историческое развитіе указываетъ на всю совокупность остальныхъ тайныхъ наукъ и прежде всего на месмеризмъ и сомнамбулизмъ, да и на самую дѣлѣ ни одна изъ этихъ областей не исключается „обществами экспериментальной психологии“ изъ ихъ программы, но только то одна, то другая у нихъ больше выдвигается на первый планъ.

Я далекъ отъ того, чтобы вмѣшиваться въ эту домашнюю ссору, но мнѣ кажется внѣ всякаго сомнѣнія, что послѣднее замѣчаніе этого возраженія справедливо. Лондонское „Society for Psychological Research“, старѣйшее среди этихъ обществъ, „благодарныя дѣйствія“ котораго восхваляетъ и авторъ первой изъ вышеупомянутыхъ статей, заинтересовано болѣе всего такъ называемой „телепатіей“, магическими дѣйствіями на разстояніи одного духа на другой. Совѣмъ по его же стопамъ слѣдуетъ „American Society for Psychological Research“. Въ „So-

¹⁾ Allgemeine Zeitung 1889, № 321.

ciété de Psychologie physiologique“, существующемъ съ 1885 г. въ Парижѣ, хотя главную роль играетъ гипнотизмъ, однако, довольно много мѣста удѣляется также экспериментамъ надъ ясновидѣніемъ вмѣстѣ съ переносомъ мыслей и обсужденію этихъ явленій. Во всякомъ случаѣ все, что мы въ Германіи называемъ „физиологическою психологіей“, рядомъ съ этими предметами влечитъ только очень скромное и подчиненное существованіе. А потому можно, конечно, предполагать, что когда авторъ вышеупомянутаго воззванія составлялъ себѣ понятіе объ „экспериментальной психологіи“, передъ его глазами рисовалось общество, состоящее подъ руководствомъ Шарко ¹⁾. Повидимому, не иначе дѣло обстоитъ съ „обществами для психологическихъ изслѣдованій“, возникшими въ послѣдніе годы въ Германіи. Берлинское общество занимается гипнотическими экспериментами ²⁾. Въ Мюнхенѣ произошелъ расколъ.

¹⁾ Впрочемъ, мнѣ извѣстно, что самъ Шарко вотъ уже нѣсколько лѣтъ стоитъ въ сторонѣ отъ занятій „Société de Psychologie physiologique“, и потому я далекъ отъ того, чтобы этого выдающагося невропатолога считать отвѣтственнымъ за теперешнее направленіе этого общества.

²⁾ Съ различныхъ сторонъ обращаютъ мое вниманіе на то, что теперешнее „Общество психологическаго изслѣдованія“ въ Берлинѣ отличается отъ предшествовавшаго ему „Общества экспериментальной психологіи“. Изданія послѣдняго, говорятъ мнѣ, были исключительно гипнотическаго характера, а про первое этого уже сказать нельзя. Сколько мнѣ

Одно изъ двухъ обществъ идетъ рука объ руку съ берлинскимъ, а другое посвящаетъ себя занятіямъ сомнамбулизмомъ въ его различныхъ видахъ и спиритизмомъ. На самый гипнотизмъ оно смотритъ, какъ на что-то въ родѣ преддверія къ этимъ „высшимъ тайнамъ“. Но, несмотря на этотъ расколъ, въ Германіи, какъ въ Англіи, Франціи и Америкѣ, эти различныя группы относятся другъ къ другу не столько какъ враждебныя партіи, а скорѣе какъ различныя отдѣлки одной и той же большой партіи,

извѣстно, до сихъ поръ вышло двѣ тетради этого новаго общества. Изъ нихъ въ одной опять разбирается гипнотическая тема, а въ другой — „задачи и методы психологіи“ вообще. Въ послѣдней тетради говорится: „Скорѣе бы юному обществу молодыхъ изслѣдователей, въ трудахъ котораго должны появиться эти изслѣдованія, посчастливилось поработать для разсѣянія этихъ предрассудковъ (тутъ рѣчь идетъ о предрассудкахъ противъ гипнотизма)! Вѣрно понимая настоящее положеніе дѣлъ, это общество такъ отмежевало область своей психологической работы, что въ нее входитъ, главнымъ образомъ, экспериментальная психологія внушенія, которая до сихъ поръ нигдѣ не находила себѣ пріюта“ (*Münsterberg: Ueber Aufgaben und Methoden der Psychologie, вь Schriften der Gesellschaft für psychologische Forschung, I, стр. 249*). Поэтому я тѣмъ болѣе считалъ себя въ правѣ видѣть въ новомъ обществѣ продолженіе стараго, что, сколько я знаю, заправили стараго общества, программу котораго я даю въ началѣ статьи, принадлежатъ и къ основателямъ новаго. Но меня должно радовать, если это „юное общество молодыхъ изслѣдователей“ между тѣмъ немного понизитъ свои ожиданія необычайныхъ успѣховъ отъ гипнотической психологіи.

въ которой спиритовъ можно назвать, положимъ, крайнею лѣвой, а одностороннихъ гипнотистовъ — лѣвымъ центромъ, если принять за масштабъ ихъ противоположное отношеніе къ ходячимъ научнымъ воззрѣніямъ. Въдѣ не только спириты признаютъ гипнотизмъ важною составною частью магическихъ наукъ, но и среди гипнотистовъ сравнительно небольшое лишь число безусловно отрицаетъ спиритизмъ во всѣхъ его видахъ. Очень многіе хотя и не придаютъ никакого значенія явленіямъ духовъ, которыя они склонны принимать за обманъ, но все-таки они считаютъ телепатію и ясновидѣніе или, положимъ, рѣдкими, но все же весьма вѣроятными явленіями, или же, по меньшей мѣрѣ, сомнительными и потому требующими тщательнаго изслѣдованія. Если люди, какъ *Форель* и *Моль*, у которыхъ нельзя отнять критической осторожности при производствѣ ихъ гипнотическихъ опытовъ, хотя и утверждаютъ, что гипнотическія явленія можно объяснить изъ извѣстныхъ психологическихъ и физиологическихъ законовъ, но вмѣстѣ съ этимъ считаютъ открытымъ вопросомъ существованіе ясновидѣнія, телепатіи и другихъ сверхъестественныхъ явленій; если и другіе врачи, прибѣгающіе къ гипнотизму, какъ, на примѣръ, *Веттерстрандъ*, того мнѣнія, что наряду съ извѣстными дѣйствіями внушенія наступленію гипнотическаго сна способствуетъ еще какое-то таинственное „сношеніе“; если, наконецъ,

предсѣдатель болѣе умѣреннаго изъ двухъ мюнхенскихъ обществъ „экспериментальной психологіи“ знакомитъ нѣмецкую публику съ переводомъ французскаго сочиненія о „переносѣ мыслей и ясновидѣнія“, въ предисловіи къ которому онъ объявляетъ еще открытымъ вопросъ о психологическомъ воздѣйствіи на разстояніи, но въ то же время приводитъ большое количество доводовъ, откуда можно заключить, что самъ онъ подобное воздѣйствіе на разстояніи считаетъ чуть ли не доказаннымъ фактомъ, — въ виду всего этого, не бесосновательно утверждать, что гипнотизмъ и оккультизмъ, — за отдѣльными исключеніями, — и въ Германіи тѣсно связаны другъ съ другомъ, и что въ этой связи какимъ образомъ нельзя видѣть случайности, но она основана на какомъ-либо внутреннемъ родствѣ, сущности котораго здѣсь пока можно не касаться. Но не только слова тѣхъ, кто избралъ гипнотизмъ своей спеціальною областью изслѣдованія, свидѣлствуютъ объ этой связи, — общая психологическая и философская литература также уже не можетъ, повидимому, уклониться отъ этого теченія времени. Во главѣ англійскаго, какъ и американскаго „Society for Psychical Research“ стоятъ почтенные представители философіи. Руководитель англійскаго общества будетъ также предсѣдательствовать и на второмъ международномъ психологическомъ конгрессѣ 1892 года въ Лондонѣ. И, конечно, нѣтъ

ничего невѣроятнаго, что на этомъ сѣздѣ ясновидѣніе, если не прямо, то во всякомъ случаѣ подъ невинною маскою статистики галлюцинацій, точно такъ же будетъ главнымъ предметомъ обсуждения, какъ это было съ гипнотизмомъ на первомъ сѣздѣ, происходившемъ въ Парижѣ въ столѣтнюю годовщину революціи. Самый большой изъ философскихъ журналовъ Франціи, прекрасно редактируемый „Revue Philosophique“ съ одинаковою охотою помещаетъ сообщенія какъ объ опытахъ съ гипнотизмомъ, такъ и о телепатіи, животномъ магнетизмѣ и т. под. И все это разсматривается здѣсь не какъ какіе-нибудь курьезы, или съ критико-скептической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія убѣжденныхъ защитниковъ этихъ магическихъ дѣйствій или, по крайней мѣрѣ, какъ вопросы, которые въ высшей степени заслуживаютъ обсуждения и основательнаго обследованія. Также и нѣмецкіе философскіе журналы, повидимому, не хотятъ уже болѣе уклоняться отъ примѣра, даннаго имъ такими образцовыми органами, и постепенно съ гипнотизмомъ вводятъ въ моду и спиритизмъ.

Я далеко отъ того, чтобы упрекать редакторовъ этихъ журналовъ. Литература вѣдь есть зеркало вѣка. Но если такіе органы, которые я имѣю здѣсь въ виду, открываютъ свои страницы не только гипнотическимъ явленіямъ, но и пристегнутымъ къ нимъ различнымъ областямъ спиритизма, то тутъ,

конечно, можно усмотрѣть подтвержденіе того, что теперь уже нельзя отдѣлываться отъ этого молчаніемъ, но всякому, кто только имѣетъ какое-нибудь дѣло съ психологіей, необходимо высказаться по этому поводу.

Признаюсь, я, съ своей стороны, не смотрю на эту необходимость, какъ на пріятную обязанность. Человѣку, который издавна занимался экспериментальными работами, нѣтъ никакого желанія высказывать свое сужденіе о предметѣ, надъ которымъ онъ самъ не экспериментировалъ. Однако, какъ разъ гипнотисты, а еще болѣе спириты, очень не прочь отклонять всякое обсужденіе этихъ вопросовъ посторонними дѣлу — замѣчаніемъ, что для того, чтобы можно было говорить о такихъ вещахъ, прежде всего слѣдуетъ много и неустанно заниматься ими. Еще очень недавно авторъ одной „психологіи внушенія“ высказался, что хотя онъ самъ не владѣетъ достаточными опытами въ области „окултнизма“, но онъ будто бы замѣтилъ, что сплошь всѣ, кто имѣетъ въ немъ опытъ, вѣрятъ въ него, а кто не имѣетъ опыта, не вѣрять, и авторъ дѣлаетъ отсюда выводъ, что окултнизмъ основывается на истинѣ. Я, съ своей стороны, склоненъ перевернуть эти послылки. Кто вѣрять въ чертовщину, — экспериментируетъ надъ ней, а кто въ нее не вѣрять, обыкновенно и не дѣлаетъ никакихъ опытовъ. Но, какъ извѣстно, человѣкъ имѣетъ большую склонность

находить подтверждение тому, во что онъ вѣрить, и при случаѣ пускаетъ въ ходъ для этой цѣли даже большое остроуміе, обманывая самого себя, такъ что удача такихъ опытовъ доказываетъ мнѣ прежде всего только то, что тѣ, которые ихъ дѣлаютъ, также и вѣрятъ въ нихъ. Вопросъ объ ихъ объективной истинности можно бы рѣшить только въ такомъ случаѣ, если бы достаточно большое число надежныхъ наблюдателей убѣдилось въ ихъ истинности, применяя для этого всѣ необходимыя методическія правила. Но на пути къ такому доказательству есть два почти неустранимыхъ препятствія. Во-первыхъ, вѣдь правовѣрные оккультисты не питали бы ни малѣйшаго довѣрія къ такому отрицательному доказательству со стороны непосвященныхъ, такъ какъ, по ихъ увѣренію, явленія, о которыхъ идетъ рѣчь, отличаются отъ обыкновенныхъ явленій природы не только своею рѣдкостью и капризностью, но особенно также и тѣмъ, что въ нихъ надо вѣрить, если кто хочетъ наблюдать ихъ. Во-вторыхъ, ученые изслѣдователи, физики, физиологи, психологи, которые не принадлежатъ къ числу правовѣрныхъ оккультистовъ, все же имѣютъ вѣскія основанія не браться за эту область, хотя бы они и были склонны не обращать вниманія на эти неблагоприятныя условія. Основанія эти, думается мнѣ, — въ результатахъ „оккультическихъ“ изслѣдованій“. Чтобы составить себѣ картину ихъ об-

щаго характера, я прошу читателя взять одно изъ самыхъ старательныхъ изслѣдованій въ этомъ направлении, да еще притомъ принадлежащее ученому, передъ тѣмъ заявившему себя дѣльными работами по физиологіи. Это — „Экспериментальныя изслѣдованія въ области переноса мыслей и такъ называемаго ясновидѣнія“ *Шарля Рише*. Допустимъ, что всѣ эксперименты, описанные въ этой книгѣ, удались въ томъ смыслѣ, что намъ пришлось бы признать магическія дѣйствія на разстояніи въ тѣхъ случаяхъ, когда это считается вѣроятнымъ самъ авторъ, — что получилось бы въ результатѣ этого изслѣдованія? Мы, очевидно, пришли бы къ тому предположенію, что міръ, который насъ окружаетъ, собственно состоитъ изъ двухъ совершенно различныхъ міровъ. Одинъ — это міръ *Коперника, Галилея и Ньютона, Лейбница и Канта*, тотъ міръ вѣчно неизмѣнныхъ законовъ, въ которомъ самое малое и самое великое гармонически сочетаются въ цѣломъ. Но рядомъ съ этимъ великимъ міромъ, который на каждомъ шагу все въ большей степени возбуждаетъ наше удивленіе и изумленіе, находился бы еще другой, маленькій міръ, міръ пугаль и стучащихъ духовъ, вѣдмъ и магнитическихъ медіумовъ, и въ этомъ маленькомъ все, что ни совершается въ томъ большомъ ведическомъ мірѣ, было бы поставлено вверхъ дномъ, всѣ до того неизмѣнные законы при случаѣ стано-

вились бы негодными ради крайне заурядных, большей частью истеричныхъ особъ. Тяготѣніе, дѣйствіе свѣта, законы нашей психофизической организаціи — все это приходитъ въ колебаніе, какъ только господа Леони въ Гаврѣ вздумается впасть въ магнитическій сонъ, не для того, чтобы предсказать какія-либо потрясающія міръ событія, но чтобы предугадать, случится-ли съ какимъ-нибудь изъ маленькихъ Рише въ Парижѣ какое-либо маленькое несчастіе, — предчувствіе, которое иногда бываетъ и естественнымъ путемъ и съ такимъ же отдаленнымъ приближеніемъ, какъ и въ этомъ случаѣ. Но предположивъ, что вся эта чепуха и еще многое другое — правда, можно-ли допустить, чтобы безпристрастный естествоиспытатель или психологъ при свободномъ выборѣ предпочелъ тому большому и величественному міру, міру вѣчныхъ, разумныхъ законовъ, этотъ маленький и неразумный міръ истеричныхъ медіумовъ? И можно-ли удивляться, если онъ въ соображеніяхъ г. Рише о вѣроятности этихъ фактовъ увидитъ только доказательство того, что занятіе „оккультическими проблемами“ въ состояніи затемнить способность сужденія даже въ другихъ случаяхъ и остроумнаго человѣка?

Правда, съ гипнотизмомъ дѣло обстоитъ иначе. Тутъ идетъ рѣчь объ области явленій, толкованіе которыхъ хотя еще очень сомнительно, но дѣйствительности ихъ, за нѣкоторыми мелкими исклю-

ченіями, точно такъ же нельзя оспаривать, какъ существованія сновидѣній или лунатизма. Если я все-таки исключилъ гипнотизмъ изъ круга моихъ собственныхъ изслѣдованій и работъ въ моей лабораторіи, то это по двумъ основаніямъ. Во-первыхъ, какъ я думаю, въ противоположность автору упомянутого въ началѣ этой статьи воззванія, гипнотизмъ не принадлежитъ вѣдѣнію психолога, но мѣсто его въ больницѣ, и возбужденіе гипнотическаго сна, особенно повторное, часто необходимое для полученія болѣе интенсивныхъ явленій, законно только тамъ, гдѣ этого требуютъ медицинскія показанія. Во-вторыхъ, я не могу признать за гипнотизмомъ фундаментальнаго значенія для экспериментальной психологіи, которое ему приписываютъ гипнотическія школы и особенно „Общество физиологической психологіи“ въ Парижѣ, стоящее во главѣ этого теченія. Гипнотическій сонъ — такое же ненормальное состояніе, какъ и другія. Подобно тому, какъ совсѣмъ неумѣстно основывать всю психологію на сновидѣніи, или на маніи, или на слабоуміи паралитика, точно такъ же не можетъ служить для этой дѣли и гипнотизмъ. Но въ особенности, если сборники гипнотизма полагаютъ на средства гипнотизаціи и другія воздѣйствія на гипнотизируемаго клеймо „экспериментально-психологическаго метода“, то это зависитъ отъ полнаго незнанія сущности экспериментальныхъ методовъ и ихъ значенія для психологіи. Большинство

этихъ воздѣйствій, съ точки зрѣнія точныхъ наукъ, никакъ не заслуживаетъ названія экспериментовъ. Но какъ бы они ни приближались къ экспериментальнымъ приѣмамъ, именно гипнотической-то экспериментъ и лишенъ самыхъ существенныхъ особенностей и преимуществъ психологическихъ опытовъ, выполняемыхъ при нормальномъ сознаніи. Однако, доказательство этому я буду имѣть возможность привести гораздо позже, вслѣдъ за разсмотрѣніемъ результатовъ, полученныхъ на этомъ пути. Напротивъ, я уже здѣсь долженъ заявить протестъ, будто бы только тотъ, кто занимается гипнотизмомъ, такъ сказать, по профессіи, можетъ судить и о психологии гипнотическаго состоянія. Конечно, судить можетъ всегда только знатокъ. Но при необходимомъ раздѣленіи научнаго труда психологу теперь такъ же невозможно, какъ физику и химику, исслѣдовать самому всѣ явленія, о которыхъ онъ долженъ составить себѣ мнѣніе. Онъ не можетъ не полагаться на свидѣтельство другихъ наблюдателей не только относительно отдѣльныхъ явленій, но и цѣлой области ихъ. Въ такихъ случаяхъ онъ прежде всего будетъ оцѣнивать эти свидѣтельства по тѣмъ же самымъ методологическимъ правиламъ, которыя онъ прилагаетъ при своихъ собственныхъ наблюденіяхъ. Но послѣ этого онъ будетъ въ правѣ обсуждать чужія наблюденія, что касается ихъ условій и причинъ, точно такъ же, какъ и свои собственныя. А

мы теперь располагаемъ большимъ количествомъ тщательно описанныхъ явленій изъ области гипнотическихъ состояній. Всякій можетъ, на основаніи этой чуть не чрезмѣрной литературы предмета, составить себѣ картину явленій и различить достаточно удостоверенное отъ сомнительнаго. Но установить связь между этими явленіями и другими известными психическими фактами, быть можетъ, скорѣе дѣло психолога, чѣмъ гипнотиста по профессіи, который не такъ знакомъ съ этими фактами. Если наши теперешнія знанія о гипнотизмѣ еще представляютъ пробѣлы, то это не столько относится къ основнымъ явленіямъ, сколько къ психологическому и физиологическому объясненію ихъ. Вотъ почему я обращаю особенное вниманіе на этотъ пунктъ, такъ какъ отъ него, главнымъ образомъ, зависитъ оцѣнка значенія гипнотизма, тогда какъ общей картины его симптомовъ, думается мнѣ, я могу коснуться вкратцѣ. Далѣе, я буду оставлять безъ всякаго вниманія все то, что сообщено частью школой Шарко въ Парижѣ, отчасти другими подъ названіемъ магнито- и металлотерапіи, переноса, дѣйствія на разстояніи, врачебныхъ средствъ надъ сомнамбулами, медиумовъ и т. д. Большая часть всего этого относится завѣдомо къ области оккультизма, который я бы хотѣлъ на указанныхъ выше основаніяхъ исключить изъ этой работы. Кромѣ того, критика нѣкоторыхъ мнимыхъ явленій привела бы

къ физическимъ и физиологическимъ вопросамъ, выясненіе которыхъ далеко отъ цѣли этой работы. Наконецъ, въ той степени, въ какой при многихъ изъ этихъ явленій во всякомъ случаѣ играетъ нѣкоторую роль и внушеніе, они ничѣмъ не отличаются отъ другихъ, безусловно признанныхъ, дѣйствій внушенія ¹⁾.

1. Явленія гипноза.

Въ виду того, что я, какъ сказано, не намѣренъ дать здѣсь обстоятельной картины симптомовъ гипноза, то нижеслѣдующія замѣчанія служатъ только для того, чтобы указать на такія явленія, которыя особенно важны для физиологическаго и психологическаго истолкованія гипнотическихъ состояній.

Прежде всего я считаю твердо установленнымъ, что такъ называемое внушеніе представленій словами или дѣйствіями служитъ главною, если не единственною, причиною наступленія гипнотическихъ состояній. Другія воздѣйствія, какъ сосредоточеніе вниманія на какомъ-либо опредѣленномъ предметѣ, именно неподвижное пристальное созерцаніе его, по-

¹⁾ Относительно мнѣнія вліянія магнитовъ можно, впрочемъ, указать тутъ на критику *Л. Германна* (Pflüger's Archly, т. 43, стр. 217сс.).

видимому, дѣйствуютъ отчасти только въ томъ смыслѣ, что благопріятствуютъ гипнозу, вызывая одностороннее состояніе сознанія, пригодное для воспріятія внушенія, отчасти же и сами дѣйствуютъ, какъ внушеніе, вызывая представленіе о наступающемъ гипнотическомъ снѣ. Подраздѣленіе гипнотическаго сна на различныя, обыкновенно *три*, стадіи имѣеть нѣкоторую цѣну развѣ только съ практической точки зрѣнія, такъ какъ эти стадіи переходятъ другъ въ друга безъ рѣзкихъ границъ. Но, во всякомъ случаѣ, при изученіи этого состоянія чѣмъ дальше, тѣмъ больше оказывается трудностей, такъ какъ здѣсь нѣтъ способности воспоминанія которая еще бываетъ послѣ легкаго гипнотическаго сна. При этомъ дѣйствіе внушеній повышается какъ прямо, такъ и косвенно: — прямо, если путемъ внушенія можно вызвать болѣе интенсивныя галлюцинаціи и обманы чувствъ; косвенно, если внушенія, произведенныя въ гипнозѣ, въ слѣдующемъ затѣмъ состояніи бодрствованія, сейчасъ же или спустя известное время, могутъ вызвать дѣйствія или обманы чувствъ, соотвѣтствующіе внушенію во время гипноза.

Болѣе легкія степени гипноза обнаруживаютъ очень большое сходство съ тѣмъ состояніемъ сонливости, которое иногда наблюдается при переходномъ состояніи между бодрствованіемъ и нормальнымъ сномъ, а именно непосредственно передъ полнымъ

пробужденіемъ изъ глубокаго сна. Но состояніе гипноза, особенно если оно не переходитъ въ высшую степень, продолжается дольше этихъ нормальныхъ переходныхъ стадій, и переходъ въ дѣйствительный сонъ бываетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Кроме того, оно отличается еще однимъ признакомъ, связаннымъ съ условиями возникновенія гипноза. Гипнотизируемый въ несравненно большей степени зависитъ отъ вліянія словъ или дѣйствій того лица, которое вызвало своимъ внушеніемъ состояніе, похожее на сонъ, чѣмъ отъ вліянія кого-либо другого. Гипнотизеръ можетъ своимъ приказомъ вызвать или задержать движенія, или же придать членамъ необычное положеніе; онъ можетъ произвести частичную или общую нечувствительность кожи, и, наконецъ, онъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ въ состояніи своимъ приказомъ разбудить спящаго.

При высшихъ степеняхъ гипноза, такъ называемомъ „*somnambulisme provoqué*“ французскихъ авторовъ, выступаютъ три замѣчательныя группы явленій: автоматизмъ по приказанію, внушенныя галлюцинаціи, существующее уже само по себѣ или же вызванное тоже внушеніемъ, отсутствіе чувствительности кожи къ болевымъ впечатлѣніямъ, напримѣръ, къ булавочнымъ уколамъ. Въ родствѣ съ этимъ отчасти находится такъ называемая отрицательная галлюцинація зрѣнія, т.-е. невидѣніе наличныхъ предметовъ, которое бываетъ по внушенію.

Сюда относятся затѣмъ еще послѣгипнотическія дѣйствія, свойственныя преимущественно сомнамбулической стадіи и извѣстныя физиологическія дѣйствія, происходящія при посредствѣ нервовъ сосудодвигательной и выдѣлительной системы. Эти различныя явленія, въ свою очередь, находятся между собою въ томъ отношеніи, что автоматизмъ по приказанію принадлежитъ болѣе легкимъ степенямъ сомнамбулизма, а болѣе интенсивныя галлюцинаціи — высшимъ степенямъ его.

Изъ числа этихъ двухъ группъ явленій, имѣющихъ особенно важное психологическое значеніе, „автоматизмъ по приказанію“, названный такъ *Гейденмайномъ*, состоитъ отчасти въ исполненіи отданныхъ приказаній, отчасти въ подражаніи сдѣланнымъ движеніямъ. Гипнотизируемому приказываютъ, напримѣръ, стать на колѣни: онъ исполняетъ это. Тогда ему говорятъ, что онъ не будетъ въ состояніи подняться по своей волѣ: дѣйствительно, онъ дѣлаетъ нѣсколько бесплодныхъ попытокъ. Или ему показываютъ кулакъ: онъ дѣлаетъ то же; киваютъ головой, открываютъ ротъ: онъ повторяетъ всѣ эти движенія. Если словесное приказаніе соединяется съ соответственнымъ движеніемъ, то онъ слѣдуетъ за своимъ гипнотизеромъ, какъ это показалъ уже на своихъ представленіяхъ магнетизеръ *Ганзенъ*, шагъ за шагомъ, совершенно въ тактъ и подражая каждому жесту.

Внушение иллюзий и галлюцинаций является самым поразительным симптомом сомнамбулического состояния. Иллюзии бывают уже и при слабых степенях. Сюда относятся опыты *Ганзена* и затѣмъ столь же успѣшные опыты *Гейденгайна*, *Вейгольда* и другихъ надъ пищей и питьемъ: загнипозированный ѣсть луковичу подъ видомъ груши, пьеть воду, какъ шампанское, принимая ее въ слѣдующее мгновеніе уже за чернила. При этомъ его мимика выражаетъ всякій разъ вкусовое впечатлѣніе, соответствующее внушенному представленію. При болѣе сильномъ гипнозѣ къ этому прибавляются еще рѣзко выраженныя галлюцинаціи зрѣнія. Сомнамбула подается назадъ со всѣми признаками испуга при внушеніи, что къ ней приближается бѣшеная собака. Она нюхаетъ воображаемый цвѣтокъ, если ей говорятъ, что она держитъ его въ рукѣ. Такія видѣнія интенсивны. Это доказывается тѣмъ, что иногда наблюдались образы дополнительнаго цвѣта. Напримѣръ, внушаютъ, что на противоположной бѣлой стѣнѣ находится красный крестъ: загнипозированный говоритъ, что видитъ его; если ему приказываютъ посмотреть теперь на полъ, то онъ утверждаетъ, что видитъ зеленое отображеніе этого креста. Соответственно этому и галлюцинаціи, вызванныя внушеніемъ и отнесенныя къ извѣстнымъ мѣстамъ во внѣшнемъ пространствѣ, слѣдуютъ, по видимому, тѣмъ же законамъ проекціи во внѣ, какъ

и отображенія свѣтовыхъ впечатлѣній. Какъ извѣстно, бинокулярное зеленое отображеніе, которое получается, когда пристально вглядываются въ красный крестъ, можно раздвоить, если скосить глаза или если держать передъ однимъ глазомъ преломляющую призму, предполагая при этомъ, что онъ слѣдуетъ за движеніемъ объекта, происходящимъ въ пространствѣ. Такое раздвоеніе и такимъ же путемъ можно вызвать при зрительныхъ галлюцинаціяхъ загнипозированныхъ.

Но подобно тому, какъ можно путемъ внушенія вызвать ощущенія, которымъ вовсе не соответствуетъ никакихъ чувственныхъ впечатлѣній, точно такъ же и наоборотъ можно понизить или совершенно уничтожить восприимчивость къ наличнымъ впечатлѣніямъ. Извѣстная степень аналгезіи кожи, повидимому, всегда сопровождаетъ гипнозъ. Булавочные уколы ощущаются какъ простыя прикосновенія или же совсѣмъ не ощущаются. Но эта аналгезія существенно поддерживается прямо и строго внушеннымъ представленіемъ, что нѣтъ никакого ощущенія. Съ этимъ отсутствіемъ ощущенія, вызваннымъ внушеніемъ, очевидно, въ близкомъ родствѣ такъ называемыя отрицательныя галлюцинаціи зрѣнія. Онѣ состоятъ въ томъ, что загнипозированный, по данному приказанію, не видитъ дѣйствительно существующаго внѣшняго объекта. Онъ, напримѣръ, говоритъ, что не видитъ находящихся въ комнатѣ

лицъ или предметовъ, если ему сказано, что ихъ нѣтъ. Особенно характеристичный видъ принимаютъ эти произвольно вызванные пробѣлы въ полѣ зрѣнія, когда они вліяютъ на поступки загипнотизированнаго. Если, напримѣръ, ему внушаютъ, что ближайшей двери противъ него въ комнатѣ не существуетъ и затѣмъ приказываютъ ему выйти изъ нея, то онъ ощупью проходитъ мимо этой двери, чтобы выйти черезъ другую, болѣе отдаленную. Эти явленія, очевидно, дѣлаютъ вѣроятнымъ, что здѣсь существуютъ положительныя галлюцинаціи, вслѣдствіе которыхъ мѣста поля зрѣнія, соотвѣтствующія невидимымъ предметамъ, заполняются соотвѣтственно окружающей средѣ.

На ряду съ приведенными главными явленіями гипноза съ психологической точки зрѣнія еще очень интересны *самовнушеніе* и *послѣгипнотическія явленія*. Если кто-нибудь, испытавъ данное состояніе, благодаря постороннему воздействию, или только познакомившись съ нимъ изъ наблюденія надъ другими, иногда можетъ вызвать его у себя безъ посторонняго вліянія, то въ этомъ нѣтъ ничего поразительнаго. Замѣчательнѣе то, что такіа самовнушенія очень часто бываютъ произвольны, вслѣдствіе-ли подражанія, или потому, что вліяетъ приказаніе, данное въ предшествовавшемъ гипнозѣ, и въ послѣднемъ случаѣ самовнушеніе, соединяясь съ

послѣгипнотическими дѣйствіями, косвенно, въ свою очередь, приводитъ къ внушенію со стороны.

По своему общему характеру послѣгипнотическія дѣйствія совершенно представляются частичнымъ продолженіемъ или частичнымъ возобновленіемъ самихъ гипнотическихъ дѣйствій. Если этотъ вторичный гипнозъ обозначается какъ *частичный гипнозъ*, то это уже даетъ намекъ, что онъ болѣе или менѣе можетъ приближаться къ полному бодрственному состоянію. Такъ можно было бы разрѣшить и спорный вопросъ, требуютъ-ли внушенныя дѣйствія или галлюцинаціи, слѣдующія за гипнозомъ, вторичнаго наступленія гипнотическаго состоянія. Если они сами не что иное какъ частичное явленіе гипноза, то этотъ споръ происходитъ только отъ того, что, какъ при различеніи сна и бодрствованія, такъ и при различеніи гипнотическаго состоянія и бодрствованія, обыкновенно сообразуются только съ перевѣсомъ признаковъ, указывающихъ на то или другое состояніе. Человѣкъ, который слышитъ во снѣ вопросъ и отвѣчаетъ на него смотря по тому, каково содержаніе его сознанія въ этотъ моментъ, мы называемъ спящимъ, хотя въ такомъ случаѣ онъ ведетъ себя, какъ бодрствующій. Точно такъ же и само гипнотическое состояніе во всѣхъ своихъ стадіяхъ, если только принять во вниманіе наличное состояніе сознанія, находится на серединѣ между сномъ и бодрствованіемъ. Но при самомъ гипноти-

ческомъ состояніи мы, въ свою очередь, говоримъ, что гипнозъ тѣмъ глубже, чѣмъ больше явленій отклоняется онъ явленій бодрственнаго сознанія. Наконецъ, если есть налицо еще только одинъ симптомъ, то мы вообще не видимъ уже здѣсь гипноза, а смотримъ на это состояніе, какъ на состояніе бодрственнаго сознанія, которое, однако, еще извѣстнымъ свойствомъ отклоняется отъ нормальнаго бодрствованія. Ясно, что его съ такимъ же, если не съ бблшимъ, правомъ можно было бы назвать частичнымъ гипнозомъ. Если, напримѣръ, кто-либо по пробужденіи отъ гипноза, вслѣдствіе сдѣланнаго передъ тѣмъ внушенія, ставитъ стулъ на находящейся тутъ же столѣ, то на это смотреть обыкновенно какъ на бессмысленный поступокъ, совершенный при полномъ сознаніи. Но очевидно, что собственно было бы правильнѣе сказать: это поступокъ, относящійся къ области автоматизма по приказанію, т.-е. еще къ частичному продолженію гипноза. Или, если кто-либо по пробужденіи, опять-таки въ слухъ внушенія, воображаетъ, что онъ держитъ въ рукѣ флажку, которой въ действительности нѣтъ, то на это смотреть какъ на галлюцинацію бодрственнаго состоянія. Опять-таки было бы правильнѣе сказать: при отсутствіи всѣхъ другихъ явленій гипноза, есть этотъ одинъ симптомъ, внушаемость галлюцинацій, а слѣдовательно и частичное гипнотическое состояніе. Этому взгляду соответствуетъ то, что по наблю-

денію послѣгипнотическія дѣйствія, состоящія изъ болѣе сложныхъ поступковъ и представленій, совершаются при симптомахъ полнаго, или почти полнаго, вторичнаго гипноза, а отдѣльныя послѣгипнотическія дѣйствія, напротивъ, могутъ совершиться, повидимому, въ бодрственномъ состояніи. Частичный гипнозъ отдѣляется отъ полнаго всѣми возможными переходными стадіями.

Впрочемъ, замѣчательнымъ случаемъ послѣгипнотическихъ дѣйствій являются *внушенія на срокъ*, то, что школа Нанси называетъ *suggestions à échéance*. Во время гипноза внушаютъ, что загипнотизированный въ извѣстный срокъ, въ данное-ли время или по опредѣленному поводу, выполнитъ точно предписанный ему поступокъ, или что у него будетъ заранѣе опредѣленная галлюцинація. Напри-мѣръ, сомнамбулъ было сказано: „завтра, ровно въ 7 часовъ утра, вы придете ко мнѣ въ комнату и предложите стаканъ воды!“ Или: „съ сегодняшняго дня черезъ четыре недѣли, 6-го іюня, вы придете ко мнѣ; вы увидите мое лицо чернымъ и будете поэтому смѣяться надо мной“. Оба внушенія были исполнены, хотя воспоминаніе о бывшемъ внушеніи совершенно исчезло. Въ отдѣльныхъ случаяхъ наблюдался успѣхъ даже при очень запутанныхъ срочныхъ внушеніяхъ, напримѣръ, „начиная съ сегодняшняго вторника въ 16-й вторникъ“, или „черезъ 36 дней отъ сегодняшняго дня вы придете ко

миѣ и будете бранить меня“. Но такія срочныя внушенія на болѣе продолжительное время исполняются, повидимому, только очень воспримчивыми лицами. Самый простой, относящійся сюда случай, который до нѣкоторой степени можетъ служить ключомъ къ остальнымъ, — это, конечно, наступленіе новаго гипноза въ опредѣленный срокъ. Загипнотизированному, напримѣръ, говорятъ: „завтра, въ такое же время, ты опять впадешь въ сонъ“, и сонъ дѣйствительно наступаетъ какъ разъ въ указанный моментъ, хотя во все промежуточное время вовсе нѣтъ воспоминанія о внушеніи.

На физиологическія дѣйствія гипноза и внушенія здѣсь мы укажемъ только вкратцѣ, такъ какъ это далеко отъ нашей ближайшей цѣли. Зрачокъ расширяется, глазныя яблоки выпячиваются, и, конечно, въ связи съ этимъ при наступленіи сомнамбулическаго состоянія открываются до того закрытыя вѣки. Пульсъ и дыханіе учащаются; нерѣдко появляется потъ. Всѣ эти явленія указываютъ на сильное возбужденіе симпатической и сосудодвигательной нервной системы и въ то же время служатъ характерными признаками, отличающими гипнозъ отъ обыкновеннаго сна, при которомъ, наоборотъ, обыкновенно наблюдается суженіе зрачка, пониженіе скорости пульса и дыханія. Соотвѣтственно тому состоянію возбужденія, въ которомъ уже сами по себѣ находятся при гипнозѣ нервы сосудистой и выдѣ-

лительной системы, и при сомнамбулическомъ состояніи часто замѣчается сильно повышенная возбуждимость ихъ подѣ влияніемъ внушенія. Нерѣдко наблюдалось, что такимъ путемъ можно ускорить пищевареніе, вызвать менструацію или, при обильномъ кровотеченіи, задержать и урегулировать ее. Точно такъ же можно было вызывать нарывы, прикладывая почтовую марку или какіе-нибудь другіе безразличные предметы, если при этомъ было внушено подходящее представленіе, напримѣръ, что приложенная бумага — нарывной пластырь. Точно такъ же вызывались иногда кровозліянія изъ носу и на извѣстныхъ мѣстахъ кожи, такъ называемая стигматизація ¹⁾ по внушенію, особенно если нерѣдъ этимъ производились сильныя осязательныя впечатлѣнія на соотвѣтственныя мѣста кожи.

Какъ ни важны эти чисто физиологическія влиянія для оцѣнки гипотизма съ медицинской точки зрѣнія, но для психологическаго изслѣдованія они интересны только въ той степени, въ какой они представляютъ признаки, отличающіе ихъ отъ другихъ подобныхъ состояній, а именно отъ сна, и въ какой они заслуживаютъ вниманія при обсужденіи раз-

¹⁾ Стигматизаціей называется появленіе въ извѣстные періоды капель крови на тѣхъ мѣстахъ рукъ и ногъ, которыя соотвѣтствуютъ ранамъ Спасителя. *Иер.*

личныхъ гипотезъ, до сихъ поръ высказанныхъ для объясненія этихъ явленій.

II. Къ физиологiи и психологiи гипноза и внушенiя.

Если у насъ нѣтъ недостатка въ описанiяхъ явленiй, наблюдаемыхъ во время гипноза и послѣ него, то попытки объясненiя этихъ состоянiй вообще нельзя назвать удовлетворительными. Положимъ, уже *Гейденгайнъ* пошелъ тѣмъ путемъ, который пока только и можетъ дать нѣкоторую надежду на успѣхъ, приче́мъ онъ пользовался методомъ исключенiя и по незадержанной и повышенной функцiи опредѣленныхъ центральныхъ частей дѣлалъ заключенiе о тѣхъ областяхъ мозга, задержка функцiй которыхъ обусловливаетъ гипнозъ. Такимъ образомъ онъ пришелъ къ предположенiю, что причина этого состоянiя заключается въ задержанной дѣятельности узловыхъ клѣтокъ коры большого мозга, а эта задержка вызывается въ видѣ рефлекса путемъ слабого, но устойчиваго раздраженiя. Подобнаго же рода предствленiя лежатъ въ основѣ воззрѣнiй *Шарко* и его школы. Только тутъ на ряду съ задерживающимъ, прямо производящимъ гипнозъ воздействиемъ на нервную систему предполагается также раздражающее дѣйствiе, напимѣрь, на двигательные центры мозга, когда производятся автоматическiя движенiя, или на центры внѣшнихъ чувствъ, когда вызываются галлюцинацiи, и придается осо-

бенное значенiе нѣкоторымъ средствамъ раздраженiя, какъ, напимѣрь, поглаживанiю кожи или болѣе чѣмъ сомнительному воздействию посредствомъ металловъ и магнитовъ, основанному, вѣроятно, на внушенiи. Но гипотеза *Гейденгайна* еще цѣликомъ основана на предположенiи, которое возникло благодаря методамъ гипнотизацiи *Месмера* и *Брэда* и уже не выдерживаетъ никакой критики, а именно, будто бы однообразныя раздраженiя какого бы то ни было рода служатъ существеннымъ условiемъ при возникновенiи гипноза. Кроме того, эта гипотеза совсѣмъ упускаетъ изъ виду то великое значенiе, которое слѣдуетъ признать за внушенiемъ, какъ средствомъ гипнотизацiи. Да и самъ *Гейденгайнъ* сдѣлалъ себѣ, нѣкоторымъ образомъ, возраженiе, что задержка функцiй у загипнотизированныхъ существенно отличается отъ явленiй, наблюдаемыхъ у животныхъ, по удаленiи коры большого мозга ¹⁾.

Вотъ почему сейчасъ же послѣ того, какъ стали извѣстны опыты *Ганзена* и *Гейденгайна*, я уже высказалъ предположенiе, что задержка функцiи ограничивается опредѣленною центральною областью, а именно, по всей вѣроятности, апперцепцiоннымъ центромъ, лежащимъ въ корѣ лобныхъ долей мозга. При этомъ я указалъ на то, что существенную часть

¹⁾ *R. Heidenhain. Der sogenannte thierische Magnetismus.* Изд. 4-е. Лейпцигъ 1880, стр. 33сс.

наступающих разстройствъ съ психологической точки зрѣнія можно видѣть въ задержкѣ воли, тогда какъ другія центральныя функція, каковы, наприм., тѣ, которыя связаны съ центрами внѣшнихъ чувствъ, отчасти могутъ обнаруживать даже повышенную дѣятельность¹⁾. Тутъ въ то же время заключался и намекъ на то, что центр тяжести въ объясненіи надо до поры до времени передвинуть на психологическую сторону, такъ какъ здѣсь повсюду, какъ это уже и дѣлалъ *Гейдмайнгъ* и школа *Шарко*, мы вынуждены по измѣненіямъ въ психическихъ функціяхъ дѣлать заключеніе о параллельныхъ имъ измѣненіяхъ въ физиологическихъ функціяхъ. Прямые симптомы послѣднихъ мы имѣемъ лишь въ сосудодвигательныхъ и выдѣлительныхъ дѣйствіяхъ, которыя съ поразительностью обнаруживаются только въ рѣдкихъ случаяхъ.

Такимъ образомъ понятно, что въ новѣйшее время при развитіи такихъ вспомогательныхъ физиологическихъ представлений пришлось ограничиваться въ большинствѣ случаевъ очень общими предположеніями. Такъ, наприм., *Форель* довольствуется утвержденіемъ, что на психическую жизнь можно смотрѣть, какъ на дѣйствіе суммы переплетающихся между собою мозговыхъ динамизмовъ, изъ числа ко-

¹⁾ Physiologische Psychologie. Изд. 2-е, 1880, т. II, стр. 374; по 3-му изд. стр. 452.

торыхъ одинъ имѣетъ центральное значеніе и отвѣтствуетъ сознанию. Вдвиганіе и выдвиганіе этого „зеркала сознания“, такъ-же какъ и другихъ отдѣльныхъ динамизмовъ, можно, по его мнѣнію, наблюдать уже въ нормальномъ состояніи бодрствованія. А въ гипнозѣ это бываетъ съ сознаниемъ дѣли. Загипнотизированный большею частью сознательно слышитъ и понимаетъ данное внушеніе, точно такъ же какъ и его дѣйствительное внѣшнее слѣдствіе. Только связь между ними, продолжаетъ авторъ, остается несознанной, и этотъ-то разрывъ въ динамическихъ соединеніяхъ и дѣйствуетъ огораживающимъ образомъ. „Если я путемъ внушенія дѣлаю неподвижной руку, то это только задержка стараго автоматически ассоціированнаго комплекса движеній; если я путемъ внушенія заставляю принимать воду за шokolодъ, то я просто безъ соотвѣтственнаго чувственнаго раздраженія довелъ до высоты галлюцинаціи старое вкусовое представленіе шokolада, безсознательно покоившееся въ мозгу, и связалъ его съ воспріятіемъ чашки и жидкости“. Если не упустить изъ виду того факта, что дѣятельности мозга, ассоціированныя во внушеніи по волѣ гипнотиста, могутъ разъединяться и вступать въ новыя соединенія, то, по мнѣнію *Фореля*, „гипнотизмъ большею частью теряетъ свой загадочный характеръ“¹⁾. Но не-

¹⁾ *Forel, Der Hypnotismus. Штутгартъ 1889, стр. 54 и сл.*

сомнѣнно, что вообще тутъ только нѣкоторое количество психологическихъ фактовъ, относящихся къ распаденію обычныхъ и образованію новыхъ ассоціаций представлений, перенесено въ соответственное физиологическое представление, которое, впрочемъ, — что едва-ли нужно подчеркивать, — отличается чисто гипотетическимъ характеромъ. Но задача физиологической теоріи, которая должна-бы состоять въ томъ, чтобы данные психологическіе факты выводить изъ извѣстныхъ физиологическихъ законовъ, конечно, не получаетъ рѣшенія, если довольствоваться тѣмъ, чтобы для извѣстныхъ психологическихъ фактовъ предполагать неизвѣстные и гипотетическіе физиологическіе процессы.

Болѣе удачную попытку физиологической теоріи гипноза далъ *Альф. Леманн*, Главную точку опоры онъ ищетъ въ дѣйствиі гипноза и внушенія на сосудодвигательную систему. Въ виду того, что это единственныя чисто физиологическія дѣйствія, которыя при случаѣ могутъ обнаружиться, такая попытка не лишена нѣкотораго основанія. Однако, принимая за точку отправленія психическихъ процессовъ сосудодвигательную систему, *Леманн* дѣлаетъ отсюда такое широкое обобщеніе, что подъ эту точку зрѣнія подходит не только весь гипнозъ, но и большая часть нормальной душевной жизни. На измѣненіе иннервации сосудодвигательной системы онъ смотритъ не какъ на явленія, сопровождающія из-

вѣстные психическіе процессы, наприм., аффекты, но эти измѣненія являются у него послѣднею причиною прямо-таки всѣхъ душевныхъ явленій и во всякомъ случаѣ важнѣйшихъ изъ нихъ. Нельзя не сказать, что въ этомъ отношеніи взгляды *Леманна* являются обобщеніемъ гипотезы *Ламе* о происхожденіи эмоцій. Такъ какъ я въ другомъ мѣстѣ подробно высказался объ этой гипотезѣ, то относительно психологическаго значенія этого объясненія я могу сослаться на сказанное мною уже ранѣе ¹⁾. *Леманн* разсматриваетъ вниманіе, главнымъ образомъ, какъ явленіе сосудодвигательной системы. Исходя изъ извѣстнаго факта, доказаннаго особенно опытами *Моссо*, — что въ состояніяхъ пониженнаго вниманія, какъ, наприм., во снѣ, притокъ крови къ мозгу уменьшается и что, наоборотъ, сильное напряженіе вниманія и связанной съ нимъ дѣятельности мышленія усиливаетъ этотъ притокъ, онъ полагаетъ, что причина, почему вниманіе непроизвольно сосредоточивается на внѣшнемъ чувственномъ раздраженіи, заключается въ сосудодвигательномъ рефлексѣ, благодаря которому больше наполняются кровью соответствующія раздраженію части сенсоріума. Далѣе, чтобы объяснить, почему вниманіе направляется непроизвольно, онъ предполагаетъ, что

1) Къ ученію объ эмоціяхъ. Phil. Stud. VI, стр. 349с.

2018695927

воля заключается въ представленіи, связанномъ съ известнымъ оттѣнкомъ чувства, какъ и вообще, по его мнѣнію, все содержаніе нашего сознанія слагается только изъ подобнаго рода представлений, оттѣненныхъ чувствомъ. Если-же отдѣльная составная часть воспріятія воспроизводитъ известную группу такихъ представлений, то вызванное этимъ движеніе будетъ сильнѣе другихъ одновременныхъ движеній, и слѣдствіемъ этого явится опять-таки болѣе сильный сосудодвигательный рефлексъ. Такъ какъ произволъ состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ оттѣненномъ чувствомъ представленіи, которое мы въ этомъ случаѣ называемъ мотивомъ воли, то, по мнѣнію *Леманна*, психическій процессъ, соответствующій сосудодвигательному измѣненію на определенномъ мѣстѣ мозга, надо понимать, какъ произвольное сосредоточеніе вниманія на этомъ процессѣ¹⁾. Но вотъ въ гипнозѣ вниманіе направляется только въ одну сторону, путемъ-ли однообразныхъ чувственныхъ раздраженій, или путемъ внушенія. Вслѣдствіе этого въ гипнозѣ появляются относительно прочныя, но въ то же время одностороннія, ограниченныя ассоціаціи, которыя, по вышеупомянутой общей теоріи вниманія, можно свести къ соответственному ограниченію сосудодвигательныхъ рефлексовъ. Этою односторон-

¹⁾ *Lehmann*. Die Hypnose und die damit verwandten normalen Zustände. Leipzig 1890, стр. 27сс.

ностью ассоціаціи и вниманія объясняется затѣмъ не только необычное состояніе сознанія во время гипноза, но и то, что представленія болѣею частью забываются послѣ пробужденія. Гипнотическія галлюцинаціи не что иное, какъ обыкновенные образы воспоминанія, которые становятся устойчивѣе другихъ только благодаря этому одностороннему вниманію. Я оставляю безъ разсмотрѣнія, въ какой степени состоятельны эти и другія отдѣльныя объясненія, въ которыхъ стремленіе приблизить указанныя явленія къ явленіямъ нормальнаго сознанія завело автора, пожалуй, слишкомъ далеко. Но для меня очевидно, что *Леманнъ* въ дѣйствительности, гдѣ только дѣло касается объясненія психическихъ процессовъ, будь то нормальнаго или гипнотическаго состоянія, прибѣгаетъ вовсе не къ гипотезѣ сосудодвигательныхъ рефлексовъ, но исключительно только къ ассоціаціи представлений и къ ограниченію вниманія, т. е. опять-таки къ психическимъ процессамъ. Особенность его физиологической теоріи состоитъ поэтому, собственно говоря въ томъ, что она объясняетъ явленія не физиологически, но соединяетъ объясненіе, полученное психологическимъ путемъ, съ предположеніемъ, которое по своему существу является метафизическимъ. Такимъ предположеніемъ служитъ такъ называемый „психофизическій матеріализмъ“, по которому психическіе процессы надо выводить изъ физиологическихъ причинъ.

Но въ настоящемъ случаѣ бѣда въ томъ, что связь гипнотическихъ явленій до сихъ поръ извѣстна намъ главнымъ образомъ съ психической стороны, тогда какъ относительно параллельныхъ ей физическихъ измѣненій мы ровно-таки ничего не знаемъ.

Но при такихъ обстоятельствахъ попытка вывести извѣстное изъ неизвѣстнаго почти неизбежно должна вести къ тому, что не гипотеза пригоняется къ объясняемымъ явленіямъ, но, наоборотъ, явленія — къ гипотезѣ. Это видно также и у *Леманна*, напр., въ томъ, что онъ вовсе не признаетъ различія въ напряженности внушенныхъ галлюцинацій и обыкновенныхъ образовъ воспоминанія. Что это не вѣрно, видно изъ наблюденія послѣдгипнотическихъ галлюцинацій. Я тоже не думаю, что при объясненіи гипноза можно обойтись безъ предположенія физиологическихъ измѣненій. Но, слѣдуя правилу, что неизвѣстное всегда надо выводить изъ извѣстнаго, въ этомъ случаѣ необходимо прежде всего изслѣдовать связь наблюдаемыхъ психическихъ измѣненій, а затѣмъ уже по нимъ можно заключить о физиологическихъ процессахъ, составляющихъ ихъ вѣроятную основу. При этомъ можно будетъ примѣнить эмпирической принципъ, не зависящій отъ какихъ-бы то ни было метафизическихъ предположеній, — что параллельно психическимъ процессамъ идутъ и физические. Этотъ принципъ существенно отличается отъ другого, а именно, что физическіе процессы служатъ *причиной*

психическихъ, и что поэтому объясненіе послѣднихъ надо сразу же начинать съ физиологическихъ гипотезъ.

Въ самомъ дѣлѣ, гипнотическое состояніе представляетъ намъ какъ физическія, такъ и психическія явленія. Но установить непосредственно ихъ взаимную связь пока такъ-же невозможно, какъ невозможно изъ извѣстныхъ физиологическихъ симптомовъ сна, измѣненій зрачка, скорости пульса и дыханія, анеміи мозга, вывести возникновеніе и теченіе представлений, бывающихъ во время сна. Въ обоихъ случаяхъ тутъ дѣло обстоитъ такъ, что съ физиологической стороны намъ пока и, вѣроятно, еще на долгое время въ будущемъ даны только извѣстные вѣдшніе признаки, которые связаны съ болѣе глубокими процессами нервной системы только косвенно, а психическія явленія, сопровождающія сонъ, какъ разъ связаны съ этими болѣе глубокими, еще неизвѣстными процессами, для изслѣдованія которыхъ до сихъ поръ совсѣмъ еще нѣтъ физиологическихъ пособій. Автоматизмъ по приказанію, галлюцинаціи, амнезія, послѣдгипнотическія дѣйствія — все это психическіе симптомы, очевидно, находящіяся въ извѣстной связи между собою. По нѣкоторымъ изъ нихъ мы, конечно, можемъ даже заключить объ извѣстныхъ центральныхъ измѣненіяхъ, напр., по галлюцинаціямъ — объ измѣненной возбудимости центровъ чувствъ. Самое большое, чего можно достигнуть на этомъ пути, это, основываясь на знаніи психи-

ческой связи этих состояній, установить предварительное гипотетическое представление о физических процессах, которые, по всей вѣроятности, идутъ параллельно имъ. Напротивъ, сводить основныя явленія гипноза къ какой-либо гипотезѣ о механизмѣ гипнотическихъ воздѣйствій, не сдѣлавъ даже и попытки найти психологическую связь между ними, — значитъ совершенно извращать сущность дѣла.

Въ противоположность разобраннымъ до сихъ поръ физиологическимъ попыткамъ объясненія появился еще цѣлый рядъ *психологическихъ*. Вообще онѣ — двухъ родовъ. Одинъ родъ, который, къ сожалѣнію, надо назвать почти господствующимъ, смотритъ на гипнотическое состояніе и особенно на внушеніе, какъ на новый фактъ выдающейся психологической цѣнности, который будто-бы можетъ бросить неожиданный свѣтъ на всю душевную жизнь и такимъ образомъ представить въ совершенно новомъ свѣтѣ уже извѣстные факты бодрственаго сознанія. Другой родъ объясненій, наоборотъ, за точку отправленія принимаетъ нормальное сознаніе и отсюда пытается, насколько возможно, объяснить своеобразныя отклоненія его въ гипнотическомъ состояніи, а также и тѣ воздѣйствія, которыя вызываютъ его. Въ первомъ случаѣ, слѣдовательно, дѣлается попытка перестроить заново всю психологию на фактъ внушенія; во второмъ — стараются внушеніе и его

послѣдствія вывести изъ извѣстныхъ фактовъ психологіи.

Едва-ли нужно говорить, что, по моему мнѣнію, научнымъ характеромъ отличается только второй путь, такъ какъ правило выводить неизвѣстное изъ извѣстнаго, а не наоборотъ, относится также и къ психологіи. Только въ томъ случаѣ, если-бы оказалось, что извѣстныхъ фактовъ недостаточно для объясненія извѣстнаго рода явленій, надо попытаться, не то, чтобы взять неизвѣстное за основу извѣстнаго, а предпринять необходимыя дополненія въ предположеніяхъ, требующихся для объясненія извѣстнаго. Если-же, несмотря на это, значительная часть стараній новой гипнотической психологіи пошла по этой ложной дорогѣ, то это, очевидно, находится въ связи съ преобладающей въ этой психологіи склонностью къ оккультизму, на которую я уже указалъ. Съ гипнотизмомъ здѣсь повторилось то-же явленіе, которое уже не разъ бывало съ психологическимъ пониманіемъ обыкновеннаго сна. Конечно, при этомъ главную роль всегда играетъ также и недостатокъ психологическаго анализа явленій. Фантастическая психологія сна *Шеллиновой* школы была-бы едва-ли возможна, если-бы сторонники ея удѣлили больше вниманія дѣйствительнымъ условіямъ возникновенія сна, его связи съ чувственными раздраженіями и ассоціаціями.

Но если мы изъ этого класса теорій гипноти-

ческаго состоянія выдѣлимъ еще тѣ, которыя отличаются совершенно оккультическимъ характеромъ, то тутъ надо принять въ расчетъ главнымъ образомъ *два* гипотезы: гипотезу *симпатіи* и гипотезу *двойного сознанія*. Каждый изъ этихъ взглядовъ тѣсно связанъ съ извѣстными оккультическими представленіями: теорія симпатіи — съ месмеризмомъ и одилизмомъ, магически-физическія силы которыхъ этой теоріей превращаются въ психологическое понятіе, теорія двойного сознанія — со старымъ сомнамбулизмомъ. Сомнамбулизмъ отличалъ отъ обычнаго повышенное, ясновидящее сознаніе, и теорія двойного сознанія, опираясь на гипнотизмъ, пытается внести это различіе и въ обычную психологію. Впрочемъ, какъ и эти ихъ мистическіе прообразы, обѣ теоріи находятся въ тѣсномъ родствѣ между собою, и отъ связи съ оккультизмомъ въ обѣихъ остались болѣе или менѣе ясны слѣды.

Представителемъ теоріи симпатіи выступилъ недавно д-ръ *Гансъ Шмидкунцъ* въ своей «Психологіи внушенія». Авторъ не скрываетъ своего пристрастія къ оккультизму, хотя онъ исключаетъ изъ своей работы ясновидѣніе, месмеризмъ, одилизмъ и т. под., или же ограничивается относительно ихъ нѣкоторыми случайными замѣчаніями, отчасти въ тонѣ сочувствія, отчасти въ видѣ подтвержденія. Такимъ образомъ нельзя удивляться, что сомнамбу-

лическія мечтанія прошлыхъ дней до нѣкоторой степени оживаютъ вновь въ его обсужденіи внушенія. Внушенные состоянія онъ прямо опредѣляетъ, какъ такія, „въ которыхъ различныя психическія энергіи повышены (модифицированы)“. Положительныя и отрицательныя галлюцинаціи, а также и „диссоціативная и разбѣдняющая сила внушеній и внушенныхъ состояній“ служатъ ему доказательствомъ такого возрѣнія. Поэтому гипнозъ со всѣми послѣгипнотическими дополненіями опредѣляется, какъ „такое искусственное состояніе, похожее на сонъ, въ которомъ различныя психическія энергіи повышены (модифицированы) въ направленіи, опредѣляемомъ гипнозиторомъ“¹⁾. Самое гипнотизирующее воздѣйствіе авторъ то считаетъ вызваннымъ обыкновеннымъ путемъ внѣшняго психологическаго вліянія (такъ называемаго словеснаго внушенія), то онъ держится того мнѣнія, что при этомъ можетъ происходить также прямое воздѣйствіе одного духа на другой, а въ крайнемъ случаѣ — даже и воздѣйствіе на разстояніи. Этою оккультическою стороною своей теоріи авторъ опять приближается къ месмеризму. Напрасно искать во всемъ этомъ объемистомъ сочиненіи дѣйствительно психологическаго объясненія внушеній и гипноти-

¹⁾ *Schmidkuns*, Psychologie der Suggestion. Штутгартъ 1892, стр. 216сс.

ческих состояній. Да и упомянутое выше основное предположеніе о „повышеніи психическихъ энергій“, очевидно, опирается не столько на приведенные для этого факты, — они, напротивъ, скорѣе доказываютъ совсѣмъ другое, — сколько на энтузіазмъ гипнотиста, который собственный экстазъ переноситъ на испытываемую имъ область. Тѣмъ шире просторъ для попытки объяснить всю психологію съ одной точки зрѣнія внушенія. Мы такъ и не узнаемъ, что такое внушеніе. Но насъ настоятельно увѣряютъ, что всѣ душевные процессы, начиная съ простаго воспріятія и кончая высшими художественными и социальными созданіями, — собственно не что иное, какъ „внушенія“. Если бы автору нужно было доказать, что одностороннее увлеченіе еще неразъясненными душевными явленіями не можетъ принести никакой пользы ни испытываемой области, ни психологіи вообще, то онъ далъ бы этому блестящее доказательство. Поэтому его сочиненіе все же имѣетъ цѣну отталкивающаго примѣра — цѣну, которая, правда, нѣсколько понижается отъ того, что въ данномъ случаѣ имѣть недостатка въ такихъ примѣрахъ.

Нѣсколько лучше обстоитъ дѣло съ теоріей „двойного сознанія“, которая, сколько я знаю, къ объясненію гипнотическихъ состояній была примѣнена впервые *Тэнномъ* и затѣмъ разработана далѣе

Пьеромъ Жане, Максомъ Дессуаромъ ¹⁾ и др. Она, повидимому, не осталась безъ нѣкотораго вліянія, такъ какъ даже *А. Молль* въ своемъ почтенномъ трудѣ о гипнотизмѣ до нѣкоторой степени слѣдуетъ ей. И эта теорія, какъ уже было указано, не нова. Древнѣйшихъ предшественниковъ ея можно найти въ экстатической и сомнамбулической литературѣ прежняго времени. На состоянія экстаза, ясновидѣнія и т. под. смотреть, какъ на такія состоянія, которыя принадлежать второму, отличающемуся отъ обыкновеннаго, сознанію, или второй личности. Выраженіе „второе зрѣніе“, которое употреблялось для обозначенія нѣкоторыхъ мнимыхъ предчувствій, произошло изъ этого же круга представленій. Но, конечно, при этомъ — тутъ эта теорія выгодно отличается отъ предыдущей — взяло верхъ нѣсколько болѣе здравое обсужденіе явленій, и оттого въ относительной оцѣнкѣ двухъ формъ сознанія, допускаемыхъ независимо другъ отъ друга, все оказалось наоборотъ. Если древній сомнамбулизмъ ненормальное сознаніе считалъ за высшее, одаренное необыкновенными силами, то вообще при переносѣ этихъ воззрѣній на гипнотизмъ видна склонность, наоборотъ, — гипнотическую форму сознанія считать за

¹⁾ *Тэннъ*, О познаніи, т. I, предисловіе (пер. подъ ред. *Н. Н. Стравова*, Спб. 1872, есть новое изданіе). *Pierre Janet, Revue philos.*, т. 22, стр. 577. *Max Dessoir, Das Doppellih.* Berlin 1889.

низшую, видѣть въ ней „нижнее сознание“ въ отличіе отъ „высшаго сознания“, проявляющагося въ бодрствованіи. Кроме того, по этой теоріи двойное сознание является отличительной чертой не одного только гипноза, но оно присуще уже и нормальной душевной жизни, гдѣ оно сказывается въ различіи грезу отъ бодрствования, затѣмъ въ разсѣянности, а также и въ такихъ случаяхъ, когда человѣкъ сразу занятъ разнородными дѣлами, напримѣръ — пишетъ письмо и въ то же время ведетъ разговоръ. Гипнозъ будто бы не что иное, какъ только экспериментальное изображеніе этого двойного сознания, не составляющаго чего-нибудь необыкновеннаго въ человѣческой душѣ. Амнезія послѣ пробужденія, такъ же какъ и забываніе обыкновенныхъ сновъ, объясняется въ такомъ случаѣ единственно только появленіемъ высшаго сознания, наступленіе послѣ-гипнотическихъ внушеній — подобнымъ же новымъ появленіемъ низшаго сознания, что, напр., бываетъ иногда при сновидѣніи, когда кто-либо продолжаетъ видѣть сонъ, прерванный въ предыдущую ночь.

Эта теорія, какъ мнѣ кажется, является характернымъ примѣромъ тѣхъ мнимыхъ психологическихъ объясненій, которыя состоятъ въ томъ, что объясняемому даютъ новое имя и затѣмъ считаютъ объясненіе поконченнымъ. Фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, состоитъ въ томъ, что человѣкъ въ известныхъ состояніяхъ, очевидно, можетъ производить

дѣйствія и связывать представленія, въ общемъ, по тѣмъ же психологическимъ законамъ, которые служатъ и для обыкновеннаго сознания, но онъ совсѣмъ не сознаетъ, или, по крайней мѣрѣ, не ясно сознаетъ эти представленія или дѣйствія. И вмѣсто того, чтобы искать объясненія этихъ явленій въ законахъ самаго сознания, просто предполагаютъ второе сознание, подъ которое и подсовываютъ эти смутно или совсѣмъ не сознаваемые процессы. Съ введеніемъ этого названія проблема должна разрѣшиться безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Если спросить, почему же душа, повидимому, не сознаетъ извѣстныхъ психическихъ процессовъ, то въ отвѣтъ на это говорятъ: да вѣдь въ томъ-то и свойство низшаго сознания, что мы не сознаемъ того, что въ немъ происходитъ; ибо поразительная особенность второй личности какъ разъ и заключается въ томъ, что она обладаетъ безсознательнымъ сознаниемъ. Если спросить далѣе, отчего же представленія и дѣйствія во время сна и гипноза отличаются отъ представлений и дѣйствій въ бодрствованіи извѣстными характеристическими свойствами, то тутъ на сцену являются особые законы этого безсознательнаго сознания. И, наконецъ, если спросить, какимъ же образомъ объяснить, что представленія этого загадочнаго низшаго сознания то навсегда остаются для насъ неосознанными, какъ, напр., въ глубокомъ снѣ или во многихъ случаяхъ глубокаго амнестическаго гипноза,

то опять могут вспомниться, какъ, напр., при обыкновенныхъ снахъ — и отчасти прямо, отчасти косвенно — при послѣгипнотическихъ состояніяхъ, то на это отвѣчаютъ: тамъ низшее сознание какъ разъ обособилось отъ высшаго, здѣсь же, напротивъ, оно имѣетъ съ нимъ сообщеніе. Такимъ образомъ у этой теоріи на всякій вопросъ есть отвѣтъ, который нельзя считать отвѣтомъ, такъ какъ это только переименованіе самыхъ явленій. Въ то же время фикція низшаго сознания, подобно ранѣ упомянутой гипотезѣ специфическаго внушенія, отличается тѣмъ не выгоднымъ свойствомъ, что она прибѣгаетъ къ аналогіямъ съ извѣстными процессами бодрственнаго сознания не для того, чтобы освѣтить темныя стороны гипнотическихъ сознаний уже извѣстными явленіями, но, наоборотъ, чтобы затемнить эти извѣстныя явленія мистическимъ понятіемъ, измышленнымъ для этихъ темныхъ сторонъ. Вѣдь едва-ли еще нужно говорить, что это понятіе, какъ и оккультическіе его родичи, — второе зрѣніе и сверхъестественное освѣщеніе, — мистическое. Если понятіе „безсознательнаго сознания“ само по себѣ уже отличается признакомъ „совпаденія противоположностей“ (*coincidentia oppositorum*), съ давнихъ поръ излюбленнымъ мистикой, то представленіе о „двойной личности“, придуманное въ видѣ вывода изъ этого понятія, дѣлаетъ несомнѣннымъ фактомъ происхожденіе этой теоріи отъ старой вѣры въ демо-

новъ. И дѣйствительно вторая личность, покоящаяся въ глубинѣ нашей души, имѣетъ всѣ признаки демона. Вѣдь и демонъ всегда соединяетъ въ себѣ двѣ особенности: онъ подбиваетъ человѣка на дѣла, о которыхъ человѣкъ ничего не знаетъ, и внушаетъ ему мысли, которыя чужды его собственной душѣ. На этомъ основаніи народное суевѣріе прошлыхъ временъ объясняло демонами эпилепсію и душевныя болѣзни, а иногда также и сонъ. Вотъ почему двойная личность современной гипнотической психологін, очевидно, не что иное, какъ атавистическій остатокъ этихъ старыхъ представленій объ одержимости бѣсами. Эта связь станетъ еще яснѣе, если только понятіе двойной личности примѣнить къ области этики, особенно къ теоріи совѣсти, и тогда второе я будетъ имѣть случай явиться незамаскированнымъ и окажется злымъ демономъ.

Путемъ психологическаго анализа, который желаетъ объяснить не извѣстное изъ неизвѣстнаго, какъ это дѣлаютъ упомянутыя до сихъ поръ специфическія гипнотическія теоріи, но неизвѣстное изъ извѣстнаго, пошли главнымъ образомъ два автора, занимающіеся этой областью, именно *Бернгеймъ* и *Молл.* Если я все-таки не нахожу достаточными ихъ почтенныя попытки объяснить явленія по аналогіи съ извѣстными процессами бодрственнаго сознания, то для этого у меня есть два основанія. Во-первыхъ, я нахожу, что у обоихъ изслѣ-

дователей психологическое объяснение состоит скорее в простом указании на аналогии с бодрственной жизнью, чем в действительном истолковании на основании этих аналогий. Во-вторых, мнѣ кажется, что в обоих случаях примѣшиваются постороннія точки зрѣнія. У *Молля* къ аналогіямъ, отличающимся въ большинствѣ случаевъ мѣткостью, примѣшивается, къ сожалѣнію, усвоенная имъ теорія двойного сознания. Она большей частью является помѣхою и иногда просто стоитъ въ противорѣчій съ явлениями ¹⁾). У *Бернгейма* такую же роль играетъ схема рефлекторнаго процесса. Когда онъ опредѣляетъ механизмъ внушенія, какъ „повышеніе идеомоторной, идеосенситивной и идеосенсоріальной рефлекторной возбудимости“, то, хотя эти выраженія въ то же время и указываютъ на отсутствіе нормальнаго сознания и нормальной дѣятельности воли, но ничего больше они не выражаютъ; что касается положительныхъ симптомовъ гипноза, именно автоматизма по приказанію и внушенныхъ галлюцинацій, подчиненіе понятію повышенной рефлекторной возбудимости едва-ли даетъ что-нибудь, какъ для психологической, такъ и для физиологической стороны этихъ процессовъ ²⁾).

¹⁾ *Moll*, Der Hypnotismus, 2-е изд., Берлинъ 1890, стр. 175сс.

²⁾ *Bernheim*, Die Suggestion und ihre Heilwirkung. Deutsch von *Frend*. Лейпцигъ и Вѣна, 1888, стр. 114сс.

Безъ сомнѣнія, было бы очень важно получить точныя самонаблюденія во время гипнотическаго состоянія. Но на пути къ достиженію этой цѣли стоятъ необычайныя трудности. Болѣе глубокой гипнотическій сонъ, вслѣдствіе наступающей амнезій, дѣлаетъ вообще невозможнымъ самонаблюденіе. Но даже при болѣе легкомъ гипнозѣ, не исключаящемъ воспоминанія, трудно получить показанія надежныхъ и опытныхъ въ психологическомъ наблюденіи лицъ. Такія лица должны, конечно, знать, что ихъ гипнотизируютъ и зачѣмъ ихъ гипнотизируютъ; поэтому они должны быть хорошо знакомы съ дѣломъ. Но эти-то обстоятельства и могутъ помѣшать наступленію гипноза и во всякомъ случаѣ затрудняютъ развитіе нѣкоторыхъ симптомовъ его, а именно автоматизма по приказанію и галлюцинацій. Такъ и самонаблюденія „загипнотизированныхъ гипнотизировъ“, какъ объ нихъ сообщаетъ *Форель*, больше ничего, какъ подтвердили то, о чемъ почти уже можно было заключить изъ обыкновеннаго поведенія загипнотизированныхъ ¹⁾. Впрочемъ, уже *Форель* сообщалъ о наблюденіи, сдѣланномъ имъ надъ самимъ собою. Оно относится къ 1878 году, и только впоследствии, когда съ 1880 года оживился интересъ къ гипнотизму, *Форель* увидѣлъ въ немъ

¹⁾ *Forel*, Der Hypnotismus, стр. 81сс.

случай самогипноза. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мнѣ кажется, подобныя наблюденія, если только они принадлежатъ лицамъ съ психологической опытностью, имѣютъ больше цѣны, чѣмъ самонаблюденія надъ преднамѣреннымъ гипнозомъ, потому что тамъ устраняется большая часть мѣшающихъ моментовъ, которые являются камнемъ преткновения при намѣренномъ самонаблюденіи. Поэтому я позволяю себѣ слѣдующее изложеніе поставить въ связь съ собственнымъ самонаблюденіемъ; оно относится къ собитію, пережитому мною лѣтъ тому назадъ, но которое, вслѣдствіе своей особенной обстановки, осталось у меня въ памяти съ необыкновенной точностью, такъ что я еще теперь едва-ли не могу представить самыхъ незначительныхъ обстоятельствъ.

Зиму съ 1855 на 1856 годъ я былъ ассистентомъ въ женскомъ отдѣленіи медицинской клиники въ Гейдельбергѣ, состоявшей въ то время подъ руководствомъ моего уважаемаго учителя *Gasse*. Нѣсколько дней подрядъ почти каждую ночь меня будили для посѣщенія тяжело-больныхъ. Часто случалось, что, сильно уставъ отъ напряженной работы во время дня, я одѣвался въ полусонномъ состояніи, посѣщалъ больныхъ и дѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, собственно не просыпаясь вполне. Все, что въ отдѣльныхъ случаяхъ приходилось дѣлать, я дѣлалъ скорѣе механически, чѣмъ произвольно. Впрочемъ, при этомъ дѣло обыкновенно шло

о томъ, чтобы дать обыкновенныя успокаивающія или другія какія-нибудь симптоматическія средства. Но вотъ разъ ночью случилось слѣдующее: меня разбудили и позвали къ тифозной больной, которая находилась въ страшномъ бреду, чѣмъ безпокоила другихъ больныхъ. Я отправился къ больной опять, какъ будто проснувшись, въ дѣйствительности же въ состояніи, подобномъ сну. Я говорю — какъ будто проснувшись — потому, что разговаривалъ съ сидѣлкой, съ другими больными совершенно такъ, какъ это бывало въ нормальномъ состояніи. Однако мнѣ самому, при воспоминаніи стало вполне ясно, что я не былъ въ полномъ сознаніи, хотя я и говорилъ по содержанию то, что соответствовало дѣлу. Все это содержаніе состояло какъ разъ въ привычномъ повтореніи обычныхъ въ такихъ случаяхъ замѣчаній. Когда надо было дать больной успокаивающее средство, я случайно замѣтилъ въ открытомъ стѣнномъ шкапу флаконъ съ тинктурой іода, которая была тутъ потому, что употреблялась для наружнаго смазыванія при болязняхъ кожи. Въ эту минуту мнѣ представилось, что тинктура іода и есть подходящее въ этомъ случаѣ успокаивающее средство. Поэтому я велѣлъ сидѣлкѣ дать мнѣ этотъ флаконъ и чайную ложку. Я распорядился приподнять больную, осторожно налилъ до краевъ ложку и попытался влить ее больной, но больная однако, къ счастью, сейчасъ же

выплюнула тѣ нѣсколько капель, которыя попали въ ротъ, а оставшееся въ ложкѣ оттолкнула, чему я очень удивился. Еще я ясно помню, что въ тотъ моментъ я отлично сознавалъ, что это была тинктура іода, но вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ вполне убѣжденъ, будто тинктура и есть подходящее къ этому случаю средство. На самомъ дѣлѣ это было потому, что въ клиникѣ тогда было въ ходу давать въ такихъ случаяхъ чайную ложку извѣстной шафрановой тинктуры опиума (*Laudanum liquidum Sydenhami*), которая по цвѣту очень похожа на тинктуру іода. Все-таки никакъ нельзя сказать, чтобы я смѣшалъ. Я точно зналъ, что въ данномъ мѣстѣ стоитъ только іодъ, и что поданное лѣкарство и есть іодъ. Но точно также опредѣленно я перенесъ всѣ свойства настойки опиума на іодъ, а дѣйствительныя свойства іода совершенно забылъ. Даже удивленіе сидѣлки не могло навести меня на ошибочность этого представленія. Только когда я опять вернулся въ свою комнату, мнѣ вдругъ все стало ясно; я вполне проснулся и тотчасъ же понялъ, что дѣйствовалъ въ состояніи, похожемъ на сомнамбулизмъ. Испуганный мыслью о возможной опасности для больной, я разбудилъ моего товарища, рано утромъ сообщилъ о случившемся также нашему профессору и только тогда успокоился, когда въ дальнѣйшемъ оказалось, что для опасенія не было основанія. Но хлопоты въ эти дни оставили на мнѣ

такое глубокое впечатлѣніе, что все случившееся ночью необыкновенно ясно запечатлѣлось въ моей памяти, такъ что, мнѣ кажется, я могу совершенно отчетливо вспомнить состояніе моего сознанія во время этого сомнамбулическаго полусна. Если я пытаюсь, какъ это я съ тѣхъ поръ часто дѣлалъ, представить себѣ состояніе тѣхъ минутъ, въ которыя я дѣйствовалъ, то мнѣ кажется, что хотя я воспринималъ зрительныя и слуховыя впечатлѣнія и вѣрно, но въ общемъ все же иначе, чѣмъ въ нормальномъ состояніи. Предметы казались дальше, чѣмъ обыкновенно, слова слышались тоже какъ бы на болѣе далекомъ разстояніи, и съ этимъ связывалось какое-то чувство тягости сенсоріума, немного похожее на то, которое можно наблюдать у себя передъ обморокомъ, причемъ, однако, это состояніе было все одинаковой силы и потому дѣлало возможными воспріятіе и дѣйствіе, какъ это, впрочемъ, можетъ быть въ теченіе нѣкотораго времени въ началѣ обморока. Я не разъ испытывалъ такое состояніе, когда приходилось бывать въ жаркихъ и плохо провентилированныхъ помѣщеніяхъ, и удуще обыкновенно быстро исчезало при выходѣ на свѣжій воздухъ. И тутъ можно замѣтить то явленіе, что предметы словно отодвигаются дальше, а слова слышатся какъ бы на большемъ разстояніи. И въ томъ еще это состояніе сходно съ сомнамбулическимъ, что при немъ понижается обдуманность: еще, пожалуй,

можно поддерживать разговор, но все же наготовѣ только слова и мысли, берущіяся изъ самыхъ обычныхъ ассоціацій. Оттого по временамъ даются отвѣты невпопадъ или безъ связи. Точно такъ же наркотическія средства, въ извѣстный періодъ ихъ дѣйствія, имѣютъ подобныя же психическія послѣдствія, которыя въ этомъ случаѣ, однако, осложняются побочными вліяніями, смотря по свойствамъ наркотическаго средства.

Я думаю, что едва-ли встрѣчу противорѣчіе, если буду разсматривать вышеописанное состояніе, какъ легкую степень самопроизвольнаго сомнамбулизма. Какъ легкую степень—потому, что тутъ не было амнезіи, постоянного признака глубокаго сомнамбулическаго сна, и все-таки сомнамбулизма—потому, что при этомъ, очевидно, было состояніе сна, которое въ то же время съ вѣшной стороны имѣло видъ дѣйствій, совершаемыхъ въ состояніи бодрствованія, — все-равно, какъ это постоянно наблюдается въ случаяхъ самопроизвольнаго и искусственнаго сомнамбулизма. Характеръ сна обнаруживаетъ это состояніе прежде всего по тѣмъ особеннымъ субъективнымъ условіямъ, при которыхъ произошло смѣшеніе стклянки съ іодомъ и съ настоемъ опиума. Такого рода смѣшеніе представлений, какъ извѣстно, всегда бываетъ во снѣ, но никогда не бываетъ въ бодрственномъ и здоровомъ состояніи. По гипнотической терминологіи все происшествіе можно было бы безъ дальнѣйшихъ разсужде-

ній назвать рѣдкимъ случаемъ «самовнушенія». Но, конечно, при этомъ сейчасъ же оказывается, какъ мало даетъ это слово для дѣйствительнаго объясненія. Интересно не то, что я внушилъ себѣ, будто іодъ есть успокоительное средство, но то, почему мнѣ взбрело это представленіе, а этого-то и не касается понятіе «самовнушенія». Но какъ разъ въ настоящемъ случаѣ мотивы для такого представленія такъ ясны, что едва-ли на этотъ счетъ можетъ возникнуть какое-нибудь сомнѣніе. Очевидно, все дѣло въ двухъ перекрещивающихся ассоціаціяхъ: стклянка съ бурнымъ содержимымъ въ знакомой обстановкѣ пробудила обычное представленіе о тинктурѣ іода, и одновременно съ этимъ она пробудила представленіе о настое опиума съ его свойствомъ успокаивающаго средства. Но изъ одной группы элементовъ этихъ двухъ представлений выступило впередъ въ сознаніи названіе «тинктура іода», изъ другой — понятіе «успокаивающаго средства», то и другое — въ связи съ воспріятіемъ бурой жидкости въ стклянкѣ. Такимъ образомъ эта связь опять-таки говорить за указанный мною въ другомъ мѣстѣ принципъ, что различныя представленія сами никогда не вступаютъ въ связь другъ съ другомъ; связь бываетъ только между элементами, принадлежащими различнымъ представленіямъ¹⁾.

¹⁾ Bemerkungen zur Associationslehre, Phil. Stud., VII, стр. 329сс.

Во всѣхъ примѣрахъ, которые въ литературѣ приводятся, какъ случаи такъ называемаго «самовнушенія», ясно проглядываетъ такая же обусловленность опредѣленными ассоціациями. Но въ то же время такіе примѣры можно будетъ относить къ внушенію въ собственномъ смыслѣ слова и подводить подъ то же понятіе, что и внушенія во время гипноза, до тѣхъ поръ, пока, какъ это было въ вышеприведенномъ примѣрѣ, не окажется, будь то случайно или произвольно, связи представленій, достаточно прочной для того, чтобы затормозить противодѣйствующія ассоціации и зрѣлыя размышленія. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, такъ называемый страхъ пустого пространства (агорафобія), истерическую разслабленность и тому подобныя страданія, основанныя на «воображеніи», вмѣстѣ съ *Моллем* и другими можно, конечно, разсматривать, какъ „самовнушеніе во время бодрствованія“. Во всѣхъ этихъ случаяхъ разстройство основывается на ассоціации, которая иногда мимоходомъ можетъ встрѣтиться и въ нормальномъ сознаніи. Но внушеніемъ ассоціация становится лишь въ тотъ моментъ, когда она до такой степени овладѣваетъ сознаніемъ, что пріобрѣтаетъ для него значеніе дѣйствительности. Такъ, при агорафобіи, наприм., случайно бывающее и у здоревыхъ чувство стѣсненія, если приходится проходить пустое пространство, становится сильной болезнью съ сопровождающимъ ее представленіемъ,

будто бы перейти невозможно, — все-равно, какъ въ вышеописанномъ примѣрѣ мимолетная ассоціация тинктуры іода съ настоемъ опиума дошла до самой тѣсной связи между собою. Въ составѣ гипнотическихъ явленій такія самовнушенія встрѣчаются у очень возбудимыхъ, часто уже гипнотизированныхъ лицъ, и именно какъ средства, вызывающія гипнозъ. Эти лица могутъ впасть въ гипнозъ, наприм., если они пристально глядятъ на блестящій предметъ, прислушиваются къ равномерному таканію часовъ или же только представляютъ наступающій сонъ. *Форель* сообщаетъ, что онъ далъ одной изъ пациентокъ, которую могъ загипнотизировать только онъ, на время путешествія въ Америку свою фотографію, при помощи которой пациентка дѣйствительно могла сама себя привести въ гипнозъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ есть ялицо необходимое для дѣйствительнаго внушенія суженіе сознанія на одной строго опредѣленной ассоціации, которая въ только-что приведенныхъ примѣрахъ и имѣетъ однимъ изъ своихъ членовъ наступленіе самаго гипноза. Очень возможно, что наступленіе обыкновеннаго сна также иногда можетъ основываться на самовнушеніи, или, по крайней мѣрѣ, оно можетъ быть тутъ замѣшано. Напротивъ, это уже слишкомъ, если видѣть въ самовнушеніи постоянную и единственную причину сна, какъ это дѣлается въ гипнотической психоло-

ги, рассматривающей все съ точки зрѣнія внушенія. Еще менѣе основаній видѣть дѣйствія «самовнушенія» во всѣхъ явленіяхъ, которыя прежде ставились на счетъ «воображенія». Таковъ, наприм., извѣстный фактъ, что заика всего болѣе заикается тогда, когда онъ старается этого не дѣлать, или что желаніе не покраснѣть какъ разъ вызываетъ краску на лицо, или же, наконецъ, наблюденіе, что въ грохотѣ колесъ или въ шумѣ мельницы можно по произволу слышать всевозможныя мелодіи. Нѣтъ никакого смысла всѣ эти явленія, начиная съ нормальной ассоціаціи и уподобленій и кончая болѣе или менѣе фантастической иллюзіей и обманомъ чувствъ, объединять въ одномъ понятіи внушенія и дѣлать изъ него всеобъемлющее понятіе, которое именно потому, что ему приходится обозначать все, въ дѣйствительности не обозначаетъ ничего. Вѣдь, слово „внушеніе“ вообще ничего не объясняетъ. Оно приобретаетъ психологическую цѣнность только тогда, когда указываются элементарныя психическія процессы, которые, вступая въ особое соединеніе, обнимаются этимъ словомъ. А если мы въ основаніе положимъ здѣсь процессъ, который прежде всего вызываетъ наступленіе гипнотическаго состоянія и затѣмъ уже явленія со стороны чувствъ и поступки, отклоняющіяся отъ состоянія бодрственной жизни, то внушеніе всегда можно свести къ ассоціаціямъ, которыя односторонне завладѣваютъ

сознаніемъ, т.-е. такъ, что противодѣйствующія имъ психическія соединенія не имѣютъ силы. Другими словами: внушеніе— это ассоціація, сопровождаемая суженіемъ сознанія въ предѣлахъ тѣхъ представленій, которыя вызваны ею. Вотъ почему обыкновенное чувственное воспріятіе точно также нѣтъ основаній считать внушеніемъ, какъ и иллюзію, которая бываетъ и при нормальныхъ условіяхъ, или какъ произвольное иллюзорное уподобленіе свѣтовыхъ и звуковыхъ представленій, наприм., облака— въ видѣ какого-нибудь животнаго, шума экипажа— въ видѣ мелодіи. У всѣхъ этихъ явленій та же основа, что и у внушенія, именно ассоціація, и потому при случаѣ они, конечно, могутъ въ большей или меньшей степени соприкаться съ нею. Но нѣтъ у нихъ того суженія сознанія, благодаря которому только и возможны своеобразныя послѣдствія внушенія, а безъ этихъ послѣдствій внушеніе не могло бы существовать, какъ особое понятіе.

Такому же условію совершенно отвѣчаетъ и обыкновенное внушеніе, «постороннее внушеніе», какъ его называютъ въ отличіе отъ вышеупомянутаго самовнушенія. И оно отчасти производитъ гипнотическое состояніе, отчасти вызываетъ въ немъ представленія, принимаемыя за дѣйствительность, и поступки, состоящіе въ безпрекословномъ исполненіи послѣдующихъ приказаній. И то, и другое можетъ происходить прежде всего лишь при помощи

ассоциаций. Но чтобы онъ имѣли такое вліяніе, къ нимъ должно присоединиться суженіе сознанія въ предѣлахъ этихъ ассоциаций и ихъ ближайшихъ послѣдствій. Слова «спите», «dormez», которыми гипнотизеръ почти моментально приводитъ въ гипнозъ привыкшее къ нему лицо, пробуждаютъ въ индивидуумѣ ассоціацію сна съ сопровождающими его ощущеніями утомленія членовъ, закрыванія глазъ, покоя представленій и чувствъ. Но для нормальнаго сознанія эта ассоціація исчезаетъ, какъ легкій дымокъ, и приказаніе проходитъ безслѣдно. Совершенно иное дѣло въ томъ случаѣ, когда сознаніе совсѣмъ охвачено пробудившейся ассоциацией. Тутъ ассоціація слова «сонъ» съ однообразными ощущеніями и чувствами, сопровождающими наступленіе гипноза, становится «внушеніемъ», — иными словами, эта ассоціація одна только и имѣетъ силу въ сознаніи, и вмѣстѣ съ вызванными ею ощущеніями необходимо наступаетъ и самый гипнозъ. Отсюда легко понять, почему однообразныя чувственныя впечатлѣнія способствуютъ гипнозу, болѣе того — почему иногда одни только они вызываютъ его. Производя уже сами по себѣ необходимое суженіе сознанія, они облегчаютъ дѣйствіе внушеннаго приказанія.

Тѣ же условія, которыя дѣлаютъ возможнымъ внушеніе, вызывающее гипнотическое состояніе, дѣйствуютъ и при внушеніяхъ во время гипноза.

Но здѣсь это дѣйствіе тѣмъ вѣрнѣе, потому что уже есть нужное суженіе сознанія, и болѣею частью именно въ томъ направленіи, въ которомъ должно дѣйствовать внушеніе, такъ какъ и всякое новое внушеніе исходитъ обыкновенно отъ лица, вызывающаго гипнозъ. А это внушеніе, въ свою очередь, всегда не что иное, какъ новое суженіе сознанія въ предѣлахъ новыхъ представленій, пробуждаемыхъ внушеніемъ. Главнѣйшая проблема, представляемая внушеніемъ, заключается поэтому не въ вопросѣ: какъ возникаютъ внушенныя представленія, но совершенно въ другомъ: какъ происходитъ суженіе сознанія, дающее внушеннымъ представленіямъ исключительную силу? Вѣдь, это возникновеніе представленій при гипнозѣ происходитъ не иначе, какъ и при нормальномъ сознаніи: ассоціація слѣдуетъ здѣсь, какъ и тамъ, тѣмъ же самымъ элементарнымъ законамъ соединеній. Но то, какъ эти ассоцианціи опредѣляютъ представленіе и дѣйствіе, является особенностью гипноза или же встрѣчается еще только при извѣстныхъ, близкихъ ему состояніяхъ, какъ, наприм., во снѣ и при нѣкоторыхъ душевныхъ разстройствахъ.

Чтобы отвѣтить на поставленный выше вопросъ, мы, очевидно, должны теперь обратиться къ тому состоянію сознанія, которое сопровождается положительными гипнотическими явленіями, какъ они намъ даны въ немногихъ, упомянутыхъ выше случаяхъ.

самонаблюдения во время гипноза или подобных ему состояний самопроизвольного сомнамбулизма. Первым симптомом является здесь, очевидно, *пониженная чувствительность* ко всем впечатлениям, которые не принадлежат к кругу представлений, вызванных самовнушением или посторонним внушением. На это указывает не только понижение чувствительности кожи к болевым ощущениям, доступное и объективной проверке, но точно так же следует объяснять и то явление, что звуки слышатся как бы издалека, и объекты зрения отодвигаются подале. Без сомнения, сюда же надо отнести и тот факт, что, как это не раз наблюдалось, хлороформ и наркотическія средства помогают гипнозу; они не влияют на положительные симптомы гипноза, но содействуют тому, чтобы появилось необходимое для этого состояния отрицательное условие пониженной чувствительности к другим впечатлениям. При этом наркоз, конечно, не может быть полным, а должна сохраняться восприимчивость в такой мере, чтобы могли восприниматься известные раздражения, способны завладеть сознанием при помощи ассоциаций. Здесь между глубоким наркозом, прекращающим гипноз, и легким, благоприятствующим ему, существует такая же разница, как и между тем состоянием сонливости, которое всегда предшествует гипнозу, и настоящим

сномъ, въ который при случаѣ можетъ перейти и гипнозъ, но въ такомъ случаѣ тоже исчезаютъ характерныя для него положительныя симптомы.

Поэтому, если отрицательная сторона гипноза ближе всего ко сну, то положительная — къ *сновиднію*. Дѣйствительно, главное различіе сновиднія отъ бодрственнаго сознанія, очевидно, основывается на тѣхъ же условіяхъ. Въ высшей степени вѣроятно, что всѣ сновиднія возникаютъ изъ чувственныхъ раздраженій, доставляются ли эти раздраженія извнѣ или самимъ организмомъ, т.-е. периферическими органами чувствъ, или проводниками къ центрамъ чувствъ, или, наконецъ, самими этими центрами. Въ то время какъ во снѣ общая возбудимость нервныхъ центровъ понижена, отдѣльное впечатлѣніе, протискивающееся до воспріятія, прежде всего подвергается уподобленію по общимъ законамъ воспріятія чувственныхъ раздраженій, и возникшее такимъ образомъ представленіе пробуждаетъ затѣмъ по ассоціаціи другія представленія, находящіяся во внѣшней или внутренней связи съ нимъ, пока случайно не пробьется новое чувственное раздраженіе и въ прежній рядъ не впутаетъ идущихъ отъ него ассоціацій, или же, если оно совершенно другого рода, пока не вытѣснитъ прежняго ряда и не дастъ толчка новой цѣпи представленій. И тутъ своеобразность процесса не въ положительной сторонѣ его, не въ возникновеніи и

течені представлений, въ чемъ опять-таки дѣйствуютъ только законы нормальнаго сознанія, но въ отрицательной — въ недостаткѣ другихъ психическихъ силъ, которыя противодѣйствовали бы игрѣ односторонне возбужденныхъ ассоціацій. Благодаря этому прежде всего и является та отличительная особенность сна, что сознаніе въ немъ всецѣло отдается текущимъ представленіямъ: они принимаются за дѣйствительно переживаемыя, и нѣтъ не только нормальной рефлексіи по поводу ихъ, но также, за крайне немногими исключеніями, внутренніе психическіе процессы не сознаются и сами по себѣ. Во снѣ, повидимому, никогда не приходится прибѣгать къ памяти и фантазіи, потому что именно всякій образъ воспоминанія и фантазіи, всплывающій въ сознаніи, сейчасъ же принимается за объективную дѣйствительность.

Такъ изъ суженія сознанія въ предѣлахъ ассоціацій, непосредственно примыкающихъ къ чувственнымъ впечатлѣніямъ, возникаетъ объективировка представлений. Затѣмъ ей существенную поддержку оказываетъ еще то обстоятельство, что, въ противоположность общему пониженію возбудимости, раздраженія, которымъ вообще удается получить силу, вызываютъ *повышенную реакцію*. Представленіе, возникающее вслѣдствіе уподобленія раздраженія, имѣетъ характеръ фантастической иллюзіи, а представленія, пробужденныя дальнѣйшими послѣдова-

тельными ассоціаціями, являются галлюцинаціями. Въ томъ, что тутъ дѣло идетъ не о мнимомъ ощущеніи, которое только спустя нѣкоторое время, вслѣдствіе обмана въ воспоминаніи, приписывается грезѣ, въ этомъ можно хорошо убѣдиться въ такихъ случаяхъ, когда раздраженіе, сначала подвергшееся преувеличенной фантастической ассимиляціи во снѣ, ведетъ къ пробужденію и еще продолжается нѣкоторое время послѣ него. Если, напр., стукъ въ дверь спальни только-что былъ воспринятъ во снѣ, какъ громъ пушекъ, то послѣ внезапнаго пробужденія это впечатлѣніе пониженной силы кажется до такой степени страннымъ, что въ первое мгновеніе едва вѣрится, будто это тотъ самый стукъ. То же самое я наблюдалъ иногда, если какое-нибудь неудобное положеніе тѣла, напр., согнутое положеніе руки, связанное съ ощущеніемъ давленія, ассимилировалось въ грезѣ. Чѣмъ внезапнѣе въ этихъ случаяхъ пробужденіе, тѣмъ поразительнѣе кажется моментальное пониженіе силы ощущенія.

Ясное дѣло, что при такихъ явленіяхъ сейчасъ же приходится думать о физиологической подкладкѣ, или же о непосредственной связи психологическаго толкованія съ физиологическимъ. Въдъ пониженіе и повышеніе раздражимости — психофизическія понятія, находящіяся въ тѣсной связи съ внѣшнимъ раздраженіемъ, безъ котораго мы не были бы въ

состояніи измѣрять раздражимость. Но можно представить себѣ физиологическія измѣненія, въ которыхъ не трудно видѣть причину такой односторонне повышенной раздражимости. Во-первыхъ, можно бы предположить, что измѣненія въ кровообращеніи мозга, вслѣдствіе измѣненной энергіи пульса и дыханія и вслѣдствіе суженія сосудовъ мозга во время сна, ведутъ за собою повышенную раздражительность нервныхъ центровъ. Но, съ другой стороны, можно бы также допустить, что именно это пониженіе общей раздражимости, психическимъ коррелятомъ котораго является бессознательное состояніе или, по крайней мѣрѣ, суженіе сознанія, имѣетъ своимъ слѣдствіемъ въ частяхъ, которыя возбуждаются къ дѣятельности особенно сильными раздраженіями, возбудимость, какъ нѣкотораго рода компенсирующее противоѣдствіе. Прежде я склонялся къ первому предположенію, опираясь на дѣйствительно наблюдаемыя во время сна измѣненія въ распредѣленіи крови въ мозгу ¹⁾. Но ближайшее разсмотрѣніе сопутствующихъ психологическихъ условій, а также и аналогичныя отношенія при гипнотическихъ состояніяхъ, дѣлаютъ для меня вѣроятнымъ, что и второму предположенію слѣдуетъ приписать, по крайней мѣрѣ, такое же значеніе, болѣе того — что въ немъ надо видѣть центръ тя-

¹⁾ Physiolog. Psychol. II³, стр. 446.

жести, тогда какъ за общимъ измѣненіемъ въ кровообращеніи можно бы признать только значеніе благоприятствующаго момента. Относительно общаго пониженія возбудимости какъ къ раздраженіямъ чувствъ, такъ и къ центральнымъ двигательнымъ импульсамъ, которое бываетъ уже при наступленіи сна, а затѣмъ, съ наступленіемъ его, еще усиливается и такимъ образомъ указываетъ на возрастающую глубину его, — относительно этого нѣтъ ничего вѣроятнаго, что свойственная сну анемія мозга сама по себѣ связана съ извѣстнымъ пониженіемъ возбудимости всѣхъ центровъ. Но благодаря нѣкоторой задержкѣ, идущей со стороны самого организма, она, вѣроятно, не можетъ спуститься ниже извѣстнаго предѣла, и именно на высшихъ ступеняхъ анеміи центры дыханія и кровообращенія возбуждаются къ усиленной дѣятельности. Если съ одной стороны это поддерживаетъ сонъ на извѣстномъ умѣренномъ уровнѣ, то съ другой стороны вмѣстѣ съ тѣмъ становится возможнымъ, что накопленіе новой энергіи въ нервной массѣ, благодаря покою, ведетъ за собой повышеніе возбудимости, которое противоѣдствуетъ пониженію порога сознанія, въ званномъ анеміей мозга, и такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, ведетъ къ пробужденію.

Рядомъ съ этими влияніями, захватывающими весь центральный органъ, мы необходимо должны предполагать еще и другія, которымъ подвергаются

отдѣльныя области мозга, смотря по дѣйствующимъ на нихъ раздраженіямъ. Если во время сна центральный органъ подвергнется раздраженію, которое дойдетъ до какого-либо центра чувствъ, то такое раздраженіе или пройдетъ безслѣдно, или, въ противномъ случаѣ, окажется дѣйствіе на меньшую область, чѣмъ въ нормальномъ состояніи, т.-е. оно захватитъ только тѣ области, которыя вслѣдствіе упражненія или случайнаго мимолетнаго предрасположенія находятся въ благопріятной связи съ непосредственно возбужденными элементами. Вотъ какова фізіологическая сторона *суженія сознанія*, всегда связаннаго съ ассоціаціями во время сна. Но къ этому присоединяется еще второй моментъ. Уже въ бодрственномъ сознаніи не всѣ элементы воспоминанія, пробужденные внѣшнимъ возбужденіемъ чувствъ, отличаются той пониженной силой ощущенія, которою обладаютъ вообще образы воспоминанія. При одновременныхъ ассоціаціяхъ различныя составныя части ассоціаціоннаго цѣлага, непосредственныя и воспроизведенныя, могутъ быть неразличимы по своей силѣ. На этомъ-то и основывается значеніе уподобленій для нормальнаго чувственнаго воспріятія, а точно такъ же и тотъ фактъ, что нормальная и фантастическая иллюзія переходятъ одна въ другую безъ рѣзкой границы. Лишь послѣдовательныя ассоціаціи или процессы воспоминанія въ собственномъ смыслѣ теряются въ тѣхъ блѣдныхъ

образахъ — а именно въ зрительныхъ образахъ блѣдна какъ форма, такъ и окраска, — которые мы по этимъ признакамъ сейчасъ же отличаемъ отъ непосредственныхъ чувственныхъ воспріятія. Правда, надо замѣтить, что у большинства людей это уже нѣсколько измѣняется, если они отдаются игръ образовъ воспоминанія въ темнотѣ или съ закрытыми глазами, а именно краски ихъ обыкновенно представляются тутъ гораздо ярче. Поэтому обычная блѣдность образовъ объясняется отчасти тѣмъ, что они вытѣсняются свѣтовыми впечатлѣніями открытыхъ глазъ. Соотвѣтственно этому и при сомнамбулическихъ состояніяхъ часто наблюдалось, что внушенныя при закрытыхъ глазахъ галлюцинаціи исчезали, когда открывались глаза ¹⁾. Но допустимъ, что и галлюцинаторный характеръ представленій во время сна поддерживается тѣмъ, что затемняется поле зрѣнія, и раздраженія другихъ органовъ чувствъ въ большинствѣ случаевъ отстаютъ на задній планъ, все же это ничуть не объясняетъ его. Въ противномъ случаѣ не могло бы быть неизбѣжной разницы между сномъ и тѣмъ состояніемъ бодрствованія, отъ котораго далеко большинство внѣшнихъ чувственныхъ раздраженій. А она существуетъ, эта разница, что доказывается также и вышеупомянутымъ сравненіемъ интенсивности раз-

¹⁾ *Bernheim*, ук. соч., стр. 140.

драженія въ обоихъ случаяхъ, до и послѣ пробужденія.

Такимъ образомъ, повидимому, очень естественно прибѣгнуть здѣсь къ помощи принципа *функциональнаго выравниванія*. На него встрѣчаются намеки уже въ нормальномъ сознаниі, но при такихъ необычныхъ состояніяхъ, какъ грезы во снѣ и гипнозъ, онъ приобретаетъ, очевидно, еще больше значенія. Мы можемъ формулировать этотъ принципъ слѣдующимъ образомъ: *если, вслѣдствіе задержки, функція большей части центрального органа находится въ скрытомъ состояніи, то возбудимость функционирующаго остатка отъ тѣхъ раздраженій, которыя доходятъ до него, бываетъ повышена. По всей вѣроятности, это повышеніе тѣмъ больше, чѣмъ меньше предыдущей работой истрачено скрытыхъ силъ, находящихся вообще въ центральномъ органѣ*. Въ качествѣ физиологической основы этого закона можно допустить *двойное* взаимодействие — *нейродинамическое* и *сосудодвигательное*.

Прежде всего вѣроятно, что функциональный эффектъ, выражаемый этимъ закономъ, возникаетъ вслѣдствіе непосредственнаго *нейродинамическаго* взаимодействия. При той многосторонней связи, въ которой находятся между собою нервные элементы центрального органа, понятно и само собою вытекаетъ изъ многихъ явленій, что возбудимость какого-либо центрального элемента зависитъ не только отъ

того состоянія, въ которомъ онъ самъ находится въ моментъ раздраженія, но также и отъ состоянія другихъ элементовъ, съ которыми онъ связанъ. Такимъ образомъ вообще раздраженіе сосѣднихъ элементовъ понижаетъ собственную возбудимость центрального элемента, и наоборотъ, если ихъ что-нибудь задерживаетъ, или если силы въ нихъ найдутся въ скрытомъ состояніи, то это содѣйствуетъ энергій со стороны частей, подвергшихся возбужденію. Извѣстный фактъ, что всякая мозговая дѣятельность можетъ происходить тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ она одностороннѣе, а также, что въ прямой связи съ этимъ односторонне напряженная дѣятельность мозга понижаетъ возбудимость всѣхъ другихъ частей его,—повидимому, несомнѣнно говоритъ за такое предположеніе. Въ качествѣ механической основы его можно представить себѣ различныя приспособленія въ системѣ силъ центральныхъ элементовъ. Я позволю себѣ указать здѣсь только на тѣ представленія, на которыя наводитъ развитая мною въ другомъ мѣстѣ гипотеза относительно механики центральной иннервациі¹⁾.

Въ гангліозныхъ клеткахъ, даже оставляя въ сторонѣ непосредственно относящееся сюда питаніе,

¹⁾ Untersuchungen zur Mechanik der Nerven und Nervencentren. II. Stuttgart 1876, стр. 103 сс. Physiol. Psychol. I, стр. 282 сс.

мы должны видѣть химическую лабораторію, въ которой постоянно происходитъ накопленіе скрытой энергіи, и въ которой, кромѣ того, вслѣдствіе возбужденія въ нервныхъ волокнахъ при извѣстныхъ условіяхъ можетъ освобождаться живая энергія и распространяться на отходящія нервныя волокна, причемъ въ высшей степени вѣроятно, что оба процесса, накопленіе и освобожденіе энергіи, распределяются на двѣ различныя области клѣтки¹⁾. Но такъ какъ скопленіе энергіи происходитъ постоянно, а освобожденіе ея—только по временамъ, при дѣйствіи извѣстныхъ силъ, то во время сна, вслѣдствіе того, что функція находится въ покоѣ, вообще въ центральныхъ частяхъ окажется громадное скопленіе запасной энергіи. Но, какъ доказываютъ расстройства питанія, происходящія какъ отъ перерѣзки нервовъ, такъ и отъ удаленія узловъ, нервныя волокна не являются только органами для

¹⁾ При этомъ случаѣ я могу указать, что изложенные мною въ упомянутомъ сочиненіи 1876 г. выводы, полученные чисто физиологическимъ путемъ, прекрасно согласуются съ результатами новѣйшихъ анатомическихъ изслѣдованій, именно съ работами *Рамона* и *Кайала* и *Келликера*. Это согласіе касается даже вопроса о томъ, въ какомъ отношеніи стоять къ проводимости осевой и протоплазматическіе отростки клѣтокъ. Срав. *Ramon y Cajal*, Riv. di Cienc. Medic. di Barcelona, № 22, 23. 1891. *Kölliker*, Verhandlungen der anatomischen Gesellschaft, 1891, перепечатано также въ *Biologisches Centralblatt* 1892, № 2.

проведенія такъ называемыхъ процессовъ раздраженія, но обладаютъ въ то же время и функціей нервныхъ питательныхъ каналовъ. Тутъ вещества, являющіяся носителями скрытой энергіи, медленно проходятъ черезъ соединенныя между собою области центральной нервной системы, такъ что такимъ образомъ можетъ постоянно происходить нѣкотораго рода равномерное распрежденіе запасныхъ силъ. Эти процессы равномернаго распрежденія по общимъ законамъ для такой системы элементовъ, стремящихся къ равновѣсію, будутъ совершаться въ томъ смыслѣ, что трата силы въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ повышенный приливъ энергіи со стороны всѣхъ сосѣднихъ частей. Итакъ, возбужденіе отдѣльныхъ центральныхъ элементовъ во время сна можетъ оказаться выраженіемъ повышенной раздражимости, отчасти вслѣдствіе большаго запаса силъ въ самыхъ элементахъ, отчасти и преимущественно отъ болѣе интенсивнаго притока силъ со стороны другихъ, покоящихся элементовъ.

Но эффектъ, происходящій этимъ нейродинамическимъ путемъ, можетъ усиливаться благодаря второму, сосудодвигательному взаимодействию. Какъ показываетъ опытъ, иннервация сосудовъ и функція органа находятся въ такомъ отношеніи между собою, что повышение функціи имѣетъ своимъ послѣдствіемъ расширеніе сосудовъ и усиленный приливъ крови, а пониженіе функціи органа—суженіе

сосудовъ и задержку въ притоки крови. Въ сложныхъ органахъ, каковъ мозгъ, это регулированіе кровообращенія, соотвѣтственно временнымъ мѣстнымъ потребностямъ, происходитъ всегда такъ, что излишекъ, принесенный къ извѣстной области, получается на счетъ пониженія притока къ другой, слабѣе или совсѣмъ не функционирующей области. Но въ силу этого и излишекъ притока къ функционирующей части, вслѣдствіе расширенія сосудовъ, будетъ тѣмъ больше, тѣмъ больше сами по себѣ сужены сосуды другихъ частей, вслѣдствіе ихъ покоя. Можно бы сказать, что эта сосудодвигательная компенсация дѣлаетъ излишней ранѣе упомянутую нейродинамическую, или же, наоборотъ, нейродинамическая дѣлаетъ излишней сосудодвигательную компенсацию, и потому проще допустить какую-нибудь одну изъ нихъ. Противъ этого, однако же, надо замѣтить, что для такихъ сложныхъ органовъ и функций простѣйшее не всегда бываетъ самымъ вѣроятнымъ. А въ настоящемъ случаѣ на видъ простѣйшее предположеніе въ дѣйствительности оказывается далеко не самымъ простымъ. Въ самомъ дѣлѣ, ясно, что сосудодвигательная компенсация является только частнымъ случаемъ нейродинамической, такъ какъ она предполагаетъ какъ разъ то самое отношеніе между сосудодвигательными нервными центрами, которое, согласно нейродинамической компенсаци, вообще слѣдуетъ допустить между центрами, функ-

ции которыхъ находятся въ какихъ бы то ни было обшихъ отношеніяхъ между собою.

Такимъ образомъ, если допускать сосудодвигательную компенсацию, то тѣмъ самымъ приходится допустить и нейродинамическую, и нѣтъ никакого основанія ограничивать ее только сосудами нервныхъ центровъ. Если, наоборотъ принимаютъ, нейродинамическую компенсацию въ ея болѣе общемъ значеніи, то тѣмъ самымъ признается и сосудодвигательная, за которую, впрочемъ, свидѣтельствуютъ уже и многочисленные наблюденія. Съ другой стороны, однако, очевидно, что обѣ предполагаемыя тутъ компенсаціи въ функцияхъ должны, въ свою очередь, взаимно подкрѣплять другъ друга. Если, благодаря непосредственному нейродинамическому взаимодействию функциональныхъ центровъ, повышается возбудимость извѣстной группы элементовъ, то отъ этого сейчасъ же, по общему закону обратнаго дѣйствія функции на сосудодвигательную иннервацию, усиливается и притокъ крови къ функционирующимъ элементамъ, вслѣдствіе расширенія сосудовъ, и этотъ эффектъ усиливаетъ съ своей стороны различіе въ энергій функций. Въ этихъ взаимныхъ отношеніяхъ главнымъ образомъ и заключается условіе для того усиленнаго обратнаго дѣйствія, какое оказываютъ измѣненія на самихъ себя, какъ это повсюду подтверждается при наблюденіи.

Попытаемся теперь приложить эти принципы къ гипнозу. Прежде всего надо установить его отличие от сна, которое можно подмѣтить въ неодинаковыхъ свойствахъ гипнотическихъ внушеній, сравнительно съ представленіями во время сна. Гипнозъ можетъ перейти въ дѣйствительный сонъ, но самъ онъ отличается отъ него. Общее же со сномъ у него — помраченіе сознанія, идущее параллельно съ задержкой функций мозга, а также и то, что при этомъ въ видѣ компенсаціи бываетъ повышенная возбудимость частей, продолжающихъ все-таки функционировать. Что касается различія гипноза отъ сна, то оно приводитъ, главнымъ образомъ, къ двумъ условіямъ возникновенія, составляющимъ отличительную особенность гипноза:

1. Гипнозъ не возникаетъ, какъ сонъ, вслѣдствіе утомленія нервной системы, но только вслѣдствіе нейродинамическихъ и сосудодвигательныхъ измѣненій въ мозгу, которыя соответствуютъ такимъ же измѣненіямъ во время сна. Поэтому вообще повышенія функций тамъ, гдѣ они бывають, происходятъ интенсивнѣе: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нейродинамическая компенсація должна становиться тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ болѣе способенъ къ работѣ органъ въ его цѣломъ. Отсюда вмѣстѣ съ тѣмъ понятно, что частичное повышение функции легче захватываетъ двигательные центры, вслѣдствіе чего по внѣшнему виду оказывается больше аналогіи съ

бодрственнымъ состояніемъ. Точно такъ же становится понятнымъ, что какъ разъ при очень сильныхъ степеняхъ гипноза, въ такъ называемомъ сомнамбулизмѣ, бываетъ больше всего какъ отклоненіе отъ нормальнаго состоянія, такъ и эта аналогія съ бодрственнымъ сознаніемъ. Такимъ образомъ выходитъ, что поверхностное разсмотрѣніе дѣла можетъ навести на мысль о второмъ сознаніи, сходномъ по своимъ общимъ свойствамъ съ основнымъ сознаніемъ, но отличнымъ отъ него по своему содержанию и отчасти по нѣкоторымъ законамъ проявленія.

2. Условіемъ для возникновенія гипноза является *внушеніе*, подкрѣпляемое большею частью другими моментами, которые подобно ему ведутъ за собою *одностороннее* направленіе сознанія. Поэтому, тогда какъ во снѣ представленія безпорядочно переходятъ отъ одного къ другому, смотря по случайной смѣнѣ преобладающихъ чувственныхъ раздраженій, которыя принимаютъ видъ иллюзій, и къ которымъ примыкають ассоціаціи, гипнотическое сознаніе доступно почти исключительно только такимъ раздраженіямъ, у которыхъ есть извѣстные признаки, связанные съ внушеніемъ, но тѣмъ чувствительнѣе оно къ этимъ раздраженіямъ. Это само собою ведетъ къ правильному теченію гипнотическихъ грезъ, а также и къ дальнѣйшему условію для затронутого выше сходства съ бодрственной жизнью. Чаще всего это одностороннее направленіе высгупаетъ

въ томъ случаѣ, когда, какъ это бываетъ обыкновенно, одно лицо, гипнотизеръ, дѣлаетъ внушенія и съ самаго начала такимъ образомъ направляетъ воспримчивость на исходящія отъ него впечатлѣнія и въ соотвѣтственной мѣрѣ, по закону компенсаціи, понижаетъ ее по отношенію къ другимъ раздраженіямъ. Такимъ путемъ развиваются явленія такъ называемаго *сношенія*. Это не что иное, какъ совокупность симптомовъ, зависящихъ отъ такого вниманія, направленаго на гипнотизирующее лицо. Слово «сношеніе» выбрано не совѣтъмъ удачно, такъ какъ оно указываетъ на *взаимное* отношеніе, какъ оно, дѣйствительно, допускалось прежде подъ вліяніемъ представленій о животномъ магнетизмѣ, но на самомъ дѣлѣ его, очевидно, нѣтъ.

Изъ изложенныхъ условій не трудно объяснить прежде всего общія явленія гипноза. Приказаніе выполнить какое-либо дѣйствіе прямо вызываетъ въ гипнотизируемомъ представленіе этого дѣйствія. Но всякое представленіе произведеннаго самимъ лицомъ или наблюдаемаго только движенія, даже слово, обозначающее это движеніе, уже и при нормальномъ сознаніи, вслѣдствіе прочной ассоціаціи зрительныхъ образовъ со словами, сопровождается влеченіемъ выполнить движеніе. Нормальное сознаніе подавляетъ это влеченіе, гипнотическое поддается ему безъ сопротивленія, такъ какъ тутъ это влеченіе не подавляется другими ассоціаціями или про-

извольнымъ противоудѣйствіемъ. Такъ возникаютъ явленія *автоматизма по приказанію*. При этомъ, чѣмъ ограниченнѣе выполняется движеніе, тѣмъ больше въ судорожномъ характерѣ движеній скъывается усиленная возбудимость центральныхъ элементовъ, функционирующихъ вслѣдствіе односторонняго раздраженія: такъ возникаютъ *каталетическіе столбняки*, которые такъ существенны для той стороны автоматизма по приказанію, когда удерживается опредѣленное положеніе, вызванное мышечнымъ сокращеніемъ. Здѣсь, по данному приказанію, вызывается представленіе о невозможности измѣнить положеніе выстѣ съ сопровождающимъ влеченіемъ удержатъ его, а въ то же время судорожное сокращеніе затрудняетъ дѣйствіе импульса, исходящаго отъ противоудѣйствующихъ влеченій и направленаго къ прекращенію собранія.

Если мы перенесемъ всѣ эти условія въ область дѣятельности чувствъ, то необходимымъ слѣдствіемъ явятся *гипнотическія галлюцинаціи*. При словесномъ внушеніи слово по ассоціаціи вызываетъ зрительный образъ совершенно такъ же, какъ и въ бодрственномъ сознаніи, но такъ какъ тутъ нѣтъ силъ противоудѣйствующихъ, то образъ укрѣпляется въ сознаніи, и не можетъ прійти мысль, что онъ — не дѣйствительность, а воображеніе. Къ этому тутъ еще прибавляется и повышенная возбудимость односторонне функционирующихъ центральныхъ элемен-

товъ, которая доводитъ интенсивность ощущенія этихъ воспроизведенныхъ представлений до той степени, которая соотвѣтствуетъ чувственнымъ воспріятіямъ. Въ послѣднемъ отношеніи галлюцинація представляетъ явленіе, параллельное каталептическому столбняку въ области движенія. Если къ галлюцинаціямъ прибавляется еще приказаніе выполнить соотвѣтственныя дѣйствія, то сами собой развиваются тѣ явленія, которыя состоятъ изъ автоматизма по приказанію вмѣстѣ съ галлюцинаціями, которыя особенно свойственны сомнамбулическому состоянію.

Нѣсколько иначе обстоятъ дѣло съ такъ называемыми «отрицательными галлюцинаціями». Конечно, нѣтъ никакого основанія видѣть въ нихъ, какъ это обыкновенно бываетъ и что выражается въ самомъ названіи, процессы, родственные галлюцинаціямъ въ собственномъ смыслѣ слова. Можетъ случиться, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ какая-либо положительная галлюцинація другого рода способствуетъ тому, чтобы не видѣть дѣйствительно существующаго предмета. Такъ, если загипнотизированному внушено, что нѣтъ двери, то въ этомъ ему можетъ, конечно, помочь положительная галлюцинація въ видѣ ковра, занимающаго данное мѣсто. Но въ обыкновенныхъ случаяхъ, въ которыхъ загипнотизированный, наприм., не видитъ присутствующаго лица вслѣдствіе внушенія, что его тутъ нѣтъ,

дѣло, быть можетъ, главнымъ образомъ идетъ объ явленіи, которое сходно съ внушенной аналгезіей и которое своимъ первоначальнымъ источникомъ имѣетъ пониженіе общей чувствительности, которое бываетъ и безъ внушенія. Такъ, наприм., нрѣдко во время гипноза не ощущаются булавочные уколы. А если и остается немного чувствительности къ нимъ, то ее можно уничтожить, внушивъ нечувствительность. Какъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ внушеніе? Тутъ, думается мнѣ, необходимо допустить, что представленіе о несуществованіи осязательныхъ впечатлѣній вліяетъ въ положительномъ смыслѣ на сознаніе, направляя его на чувственныя раздраженія другого рода, будь это только звуковые образы словъ: „кожа не ощущаетъ“. Нѣчто подобное можно найти уже въ бодрственномъ сознаніи. Извѣстныя психическія средства облегчить себѣ боль при операціи, наприм., при выдергиваніи зуба, состоятъ въ томъ, что или сосредоточиваютъ вниманіе на какомъ-либо другомъ предметѣ, или же стойко держатся мысли: „я не ощущаю никакой боли“. Я думаю, что оба эти средства въ дѣйствительности одно и то же. И второе состоитъ только въ томъ, что вниманіе направляется на другія представленія. Такъ въ гипнозѣ анестезія можетъ быть облегчена во всякомъ случаѣ не только представленіемъ объ отсутствіи боли, но и благодаря появленію какихъ-либо галлюцинацій, быть можетъ, въ

области совершенно другого чувства. Положим, гораздо поразительнѣе, что вслѣдствіе внушенія предметы, воспріятіе которыхъ загнипнотизированный прямо подтверждалъ, вдругъ по внушенію не могутъ быть видимы. Но я напомню здѣсь о ранѣе указанномъ особенномъ свойствѣ зрительныхъ и слуховыхъ впечатлѣній въ сонномъ и сомнамбулическомъ состояніи. Предметы, которые по особеннымъ условіямъ наблюденія остаются какъ разъ безъ предпочтенія, кажутся отодвинутыми дальше и вообще видны не съ такой опредѣленностью и отчетливостью. Поэтому, когда въ присутствіи другихъ лицъ *A*, *B* и *C*, сомнамбулъ говорятъ: кромѣ меня передъ вами *A* и *B*, а больше никого нѣтъ, то *A* и *B* выступаютъ на передній планъ сознанія, а неопредѣленное впечатлѣніе *C* не апперцепируется. Но иногда другимъ путемъ можно обнаружить, что загнипнотизированный имѣетъ слабое воспріятіе лица, котораго онъ будто бы не видитъ. Такъ въ одномъ случаѣ загнипнотизированный говорилъ, что онъ видитъ только тѣхъ изъ присутствующихъ, чьи имена ему были сказаны вышеупомянутымъ способомъ, но когда его пригласили записать присутствующихъ, то онъ выполнилъ это вполне вѣрно. Такимъ образомъ, очевидно, въ этихъ явленіяхъ можетъ принимать нѣкоторое участіе автоматизмъ по приказанію. Загнипнотизированный говорить, что видитъ только тѣхъ, кого ему нѣкто-

рымъ образомъ позволено видѣть, не только потому, что притуплена его чувствительность къ другимъ впечатлѣніямъ, кромѣ тѣхъ, которые вызваны внушеніемъ, но и потому, что онъ отвѣчаетъ именно то, что ему внушаютъ. Во всякомъ случаѣ послѣднее можетъ облегчить то, что слабыя впечатлѣнія замѣчаются. Поэтому, если мы сопоставимъ вмѣстѣ всѣ условія, то отрицательныя галлюцинаціи вообще представляютъ слѣдствіе пониженной восприимчивости сенсоріума къ впечатлѣніямъ, при чемъ благоприятными моментами тутъ являются отчасти вытѣсняющія галлюцинаціи, отчасти отвлеченіе вниманія въ другомъ направленіи, отчасти, наконецъ, автоматизмъ по приказанію.

Но въ этомъ изложеніи условій для возникновенія гипнотическихъ явленій обращено вниманіе прежде всего на *представленіе*. Это отчасти потому, что представленіе рѣзче всего проявляется въ объективныхъ симптомахъ, отчасти и потому, что высшія вліянія, вызывающія эти симптомы, могутъ дѣйствовать на сознаніе, такъ сказать, только черезъ среду представлений. Но вслѣдствіе тѣсной связи, въ которой находятся между собой представленіе, чувство и воля, само собою разумѣется, что всегда бываютъ налицо и другія стороны душевной жизни. Особенно отклоненія въ области воли ясно выражаются уже во высшемъ поведеніи, тогда какъ объ измѣненіяхъ въ чувствѣ, за отсутствіемъ

надежных самонаблюдений загипнотизированных, вообще можно заключить только по проявлениям воли и по изменениям возбудимости къ вышнимъ впечатлѣніямъ.

Всѣ волевые дѣйствія въ гипнотическомъ состояніи отличаются характеромъ *влеченій*. Они подчиняются мотивамъ, даннымъ внутренними представленіями: при автоматизмѣ по приказанію — вызванному словомъ представленію движенія, при галлюцинаціи — представленію соответствующаго ей вышняго объекта. Противодѣйствующихъ мотивовъ, возбуждаемыхъ другими силами, которыя прямо не связаны съ внутренними представленіями, совсѣмъ нѣтъ, или они обнаруживаются только въ очень ограниченной степени. Этому ограниченію вышней волевой дѣятельности соответствуетъ подобное же ограниченіе и внутренней дѣятельности, именно *вниманія*. Оно существуетъ исключительно въ формѣ *пассивной* апперцепціи, отдающей безъ выбора одному господствующему мотиву. Но при этомъ, вслѣдствіе суженія сознанія, оно можетъ обладать большою интенсивностью. Въ то же время условія возникновенія гипноза, извѣстныя подъ именемъ снотенія, ведутъ за собой то, что гипнозъ по своему постоянству въ направленіи отличается какъ отъ бодрственнаго состоянія, такъ и отъ сна, столь близкаго ему въ другихъ отношеніяхъ. Тамъ обнаруживается многообразіе наличныхъ ассоціацій и

болѣе широкое вліяніе того, что было въ сознаніи до отдѣльной апперцепціи, здѣсь же, наоборотъ, обнаруживается случайный притокъ вышнихъ и внутреннихъ раздраженій, которымъ сознаніе отдается безъ особеннаго предпочтенія однихъ другимъ, вслѣдствіе чего возникаетъ свободный переходъ апперцепціи отъ одного къ другому.

Изъ всего этого ясно, что выраженной „задержка воли“ или „задержка апперцепціи“, въ примѣненіи къ гипнотическому состоянію, никакъ не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто въ немъ вообще совсѣмъ уже нѣтъ воли и вниманія, но, какъ это вполне соответствуетъ понятію *задержки*, подъ ними разумѣется только нѣкоторое угнетеніе нормальной подвижности этихъ функцій, происходящее вслѣдствіе нѣкоторыхъ препятствій. Устраняется не самая воля, а *произволь*, не вниманіе вообще, а *активное* или произвольное вниманіе. Но подводитъ остатокъ, выражающійся въ дѣйствіяхъ, подъ понятіе рефлекса не совсѣмъ вѣрно. Вѣдь, реакціи проходятъ не безъ сознанія, — напротивъ, къ нимъ вполне приложимы общіе признаки хотѣнія и вниманія. Вслѣдствіе ограниченія воли, которое является подъ вліяніемъ задержки, напряженіе вниманія въ другомъ направленіи можетъ достигнуть даже необыкновенной степени; во всякомъ случаѣ направленіе его гораздо упорнѣе, чѣмъ при нормальномъ сознаніи, и точно такъ же вышнія про-

явленія воли въ этомъ направленіи могутъ оказаться повышенными. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, если бы многочисленные процессы нормального сознанія и не дали еще возможности установить различіе между простой и сложной волевой дѣятельностью и, параллельно ей, между пассивнымъ и активнымъ вниманіемъ, то гипнотическія явленія могли бы дать для этого ясныя указанія.

Если же спросить о центральныхъ физиологическихъ условіяхъ, которыя могутъ вызвать такое постоянное пониженіе волевой дѣятельности до степени пассивнаго хотѣнія, то, мнѣ кажется, и теперь еще самымъ лучшимъ объясненіемъ этому является задержка иннервации той центральной области, въ которой мы можемъ гипотетически предполагать субстратъ процессовъ апперцепціи, т.-е. *центра апперцепціи*. Такая задержка функціи опять-таки нисколько еще не означаетъ прекращенія функціи. Последнее можетъ быть временнымъ: такъ, наприм., во время сна безъ греза или въ летаргической стадіи гипноза. Но задержка въ цѣломъ остается даже и въ томъ случаѣ, если она устранена въ какомъ-нибудь мѣстѣ, болѣе того — она тогда-то и должна проявляться въ характеристическихъ симптомахъ, такъ какъ только теперь вообще обнаруживаются психическія явленія, которыя были затруднены упомянутымъ состояніемъ *снотливной* задержки. Слѣдовательно, я допущаю

что во время сна, какъ и во время гипноза, впечатлѣнія чувствъ вообще достигаютъ до чувствительныхъ центровъ, но они не въ состояніи вызвать процессы въ центрахъ апперцепціи потому, что этотъ центръ, а отчасти и самый центръ чувствъ, уже находится въ состояніи потенциальныхъ силъ, при которомъ возбудимость центральныхъ элементовъ понижена. Поэтому впечатлѣнія остаются на заднемъ планѣ сознанія въ видѣ темныхъ, быстро исчезающихъ ощущеній, которыя уже спустя очень короткое время не доступны воспоминанію. Но если какому-нибудь опредѣленному впечатлѣнію удастся отчасти устранить задержку въ органѣ апперцепціи, то онъ дѣйствуетъ на центръ чувствъ или также и на двигательный центръ, отъ котораго вышель первый импульсъ къ органу апперцепціи. Такимъ образомъ развивается та односторонне суженная психическая жизнь, которая составляетъ отличительную особенность какъ нормальнаго, такъ и гипнотическаго сна: во всемъ способѣ своихъ проявленій это — жизнь съ тѣсно ограниченной функціей какъ центровъ чувствъ и движенія, такъ и тѣхъ центровъ, которые стоятъ во главѣ ихъ. Въ качествѣ характерной составной части въ обоихъ случаяхъ прибавляется сюда еще повышенная возбудимость функционирующихъ центральныхъ элементовъ, вѣроятныя нейродинамическія и сосудодвигательныя условія которыхъ были изложены выше. Единствен-

ная разница между нормальнымъ и гипнотическимъ сномъ, судя по всему этому, заключается съ одной стороны въ вліяніи нормального истощенія силъ, которое составляетъ особенность дѣйствительнаго сна, и котораго обыкновенно не бываетъ во время гипноза, а съ другой стороны въ постоянной возбудимости центра апперцепціи по отношенію къ опредѣленнымъ раздраженіямъ, которыя бываютъ при возникновеніи гипноза, т.-е. особенно къ тѣмъ воздѣйствіямъ, которыя исходятъ отъ гипнотизирующаго. Но эта вторая важная разница имѣетъ свое естественное основаніе въ общихъ условіяхъ гипноза: гипнозъ — это искусственный сонъ, при которомъ является задержка функціи центральныхъ элементовъ вслѣдствіе того, что вниманіе имѣетъ одностороннее направленіе, т.-е. вслѣдствіе исключительнаго функціонированія извѣстныхъ группъ центральныхъ элементовъ, и въ которомъ эти первыя точки отправления должны и дальше быть посредствующими звеньями тамъ, гдѣ другимъ элементамъ приходится забываться отъ задержки и снова начать функціонированіе. Вотъ отличія этого искусственнаго сна отъ естественнаго; они, хотя и придаютъ ему больше внѣшняго сходства съ бодрственнымъ сознаниемъ, но при этомъ на все состояніе налагаютъ отпечатокъ въ извѣстной степени патологическаго характера.

Послѣ этого разсмотрѣнія психофизическихъ

условіи самого гипноза и его явленій намъ остается обсудить еще вопросъ о сущности *послѣгипнотическихкихъ* вліяній. Какъ было указано ранѣе, они состоятъ главнымъ образомъ въ томъ, что приказанія, которыя даются во время гипноза, слѣпо выполняются послѣ пробужденія безъ всякаго о нихъ воспоминанія, и что галлюцинаціи, внушенныя во время гипноза, возникаютъ тоже и послѣ пробужденія. Такимъ образомъ послѣгипнотическія вліянія не что иное, какъ распространеніе обоихъ симптомовъ гипноза, автоматизма по приказанію и галлюцинаціи, на бодрственную жизнь, т.-е., такъ какъ вѣдь гипнозъ состоитъ только изъ своихъ симптомовъ, это не что иное, какъ частичное возобновеніе гипноза по внушенію, данному въ предъидущемъ гипнозѣ. При этомъ это частичное возобновеніе гипноза можетъ послѣдовать или непосредственно вслѣдъ за пробужденіемъ, или черезъ извѣстное, тоже внушенное время: такъ бываетъ при такъ называемыхъ внушеніяхъ на срокъ.

Послѣгипнотическія дѣйствія не что иное, какъ частичное возобновеніе самого гипноза. Это особенно вытекаетъ изъ одного факта, нашего себя неоднократное подтвержденіе при выполненіи дѣйствія, внушеннаго на время бодрствованія, — дѣйствующее лицо можетъ опять вполне принять видъ и свойства сомнамбулы. Это, повидимому, бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда предпринимаемое дѣйствіе

запутаннаго характера, т.-е. складывается изъ ряда многихъ послѣдовательныхъ дѣйствій. Поэтому послѣгипнотическое вліяніе состоитъ тогда только въ томъ, что предшествовавшее внушеніе даетъ поводъ вторичному наступленію гипноза на короткое время. Но при этомъ рѣчь идетъ о воспримчивыхъ, не рѣдко уже упражнявшихся въ гипнозѣ лицахъ, у которыхъ иногда бываютъ и самовнушенія. Поэтому и понятно, что обстоятельства, при которыхъ должно быть выполнено внушенное дѣйствіе, сами оказываютъ здѣсь гипнотизирующее вліяніе.

Но уже этотъ простѣйшій случай послѣгипнотическаго вліянія, очень близко подходящій къ самому гипнозу, указываетъ на важный моментъ, имѣющій здѣсь рѣшающее значеніе, а именно на *ассоціацію по воспоминанію*, толчекъ которой даетъ предшествовавшее внушеніе. Подъ этимъ я разумю всякую ассоціацію, которая начинается съ узнаванія ¹⁾. Въ данномъ случаѣ къ этому всегда прибавляется еще особенное условіе: свойство ассоціаціи опредѣленно указано въ предыдущемъ гипнозѣ, такъ что узнаанный предметъ обыкновенно дѣйствуетъ въ родѣ мнемоническаго значка или такъ называемой ассоціаціонной опоры. Если, наприм., загипнотизированному внушено тотчасъ послѣ пробужденія поставить стулъ на находящейся передъ нимъ столъ,

¹⁾ О послѣднемъ срав. *Philosoph. Stud.* VII, стр. 345сс.

то видъ стола пробуждаетъ представленіе о такомъ поступкѣ. Въ то время какъ суженіе сознанія, бывающее во время гипноза, до извѣстной степени еще продолжаетъ дѣйствовать или возобновляется при воспроизведеніи внушенія, съ представленіемъ дѣйствія связывается вмѣстѣ съ тѣмъ и влеченіе его выполнить. Не всегда дѣло доходитъ до этого. Если пробужденіе достигло до такой степени, что въ состояніи дать достаточный просторъ противоположнымъ волевымъ импульсамъ, то влеченіе можетъ быть подавлено, или же оно все же въ концѣ концовъ можетъ взять верхъ, но послѣ нѣкоторой тѣсной борьбы, какъ это очень наглядно изобразилъ на нѣкоторыхъ примѣрахъ *Форель* ¹⁾. Болѣе сильное помраченіе сознанія бываетъ при непосредственныхъ послѣгипнотическихъ галлюцинаціяхъ. Если, наприм., загипнотизированный еще и послѣ пробужденія не можетъ отличить воображаемой розы отъ дѣйствительной; если онъ вслѣдствіе внушенія видитъ стоящее передъ нимъ лицо въ красной накидкѣ и съ рогами на головѣ, то это уже такіа рѣзкіа галлюцинаціа, что онѣ предполагаютъ продолженіе или новое появленіе тѣхъ нейродинамическихъ повышеній функціи, вслѣдствіе соответствующихъ задержекъ, которыя характеризуютъ и самый гипнозъ. Очевидно, и тутъ галлюцинаціа вы-

¹⁾ *Forel*, ук. соч., стр. 40сс.

зывается ассоціаціей, явившейся вслѣдствіе узнаванія: видъ лица, названнаго при внушеніи, пробуждаетъ прежде всего связанное съ нимъ внутреннее представленіе, совершенно какъ и при нормальномъ ходѣ ассоціацій, съ тою только разницею, что вслѣдствіе аномаліи въ функціи мозга это представленіе не является, какъ обыкновенно, блѣднымъ образомъ фантазіи, но доходить до интенсивности дѣйствительнаго воспріятія.

Отличительной чертой всѣхъ этихъ послѣдствій, какъ безотчетныхъ движеній, такъ и дополнительныхъ галлюцинацій, является то, что настоящая причина ихъ, т. е. предшествовавшій имъ актъ внушенія, исчезъ изъ сознанія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ о немъ можно только догадываться, но едва-ли когда-нибудь онъ доступенъ воспоминанію. Такимъ образомъ всѣ эти явленія вырастаютъ на почвѣ *отсутствія воспоминанія*, которое бываетъ по пробужденіи послѣ всякаго болѣе глубокаго гипноза. Послѣгипнотическія дѣйствія являются нѣкоторымъ образомъ отдѣльными свѣтлыми точками воспоминанія о процессахъ во время гипноза, но, такъ какъ они остаются внѣ связи съ нимъ, то на нихъ смотрятъ не какъ на такія свѣтлыя точки, а какъ на самопроизвольно возникшія представленія и влеченія, или же, при галлюцинаціяхъ, какъ на дѣйствительные предметы. Если же вообще при пробужденіи отъ гипноза бываетъ амнезія, то тутъ

нельзя видѣть отличительной особенности этого состоянія, но амнезія бываетъ во всѣхъ тѣхъ состояніяхъ, въ которыхъ содержаніе представленій и эмоциональная сторона сознанія существенно измѣнены и, быстро смѣняясь, переходятъ въ нормальное состояніе сознанія. Такъ мы вспоминаемъ о грезахъ глубокаго сна; а о тѣхъ, которыя бывають во время слабаго сна передъ пробужденіемъ, мы обыкновенно вспоминаемъ только сейчасъ же по пробужденіи, пока состояніе сознанія еще до нѣкоторой степени сходно съ прежнимъ. Да и это воспоминаніе исчезаетъ спустя короткое время, если не задаться твердо мыслью удержать въ памяти представленія сна и намѣренно не перенести ихъ такимъ путемъ въ составъ бодрственаго сознанія. Сюда относятся также нѣкоторые случаи періодическаго сумасшествія. Тутъ различные періоды разстройства обыкновенно связаны между собою извѣстною степенью возвратнаго воспоминанія, точно также какъ и свѣтлые промежутки, тогда какъ между періодами разстроеннаго и нормальнаго сознанія вовсе нѣтъ связи. Подобнымъ же образомъ мы вѣдь и во снѣ можемъ вспомнить о снѣ предыдущей ночи и продолжать его дальше, хотя во время бодрствованія онъ совершенно исчезъ изъ памяти. То же самое наблюдается во время гипноза, да и вообще не только въ этомъ, но и въ различныхъ степеняхъ амнезіи, смотря по глубинѣ сна, гипнозовъ опять-таки оказываетъ

ся состояніемъ, очень близкимъ къ нормальному сну. Впрочемъ, и при нормальномъ бодрственномъ сознаниіи встрѣчаются самыя различныя степени приближенія къ этимъ явленіямъ. Мы вспоминаемъ о случившемся тѣмъ отчетливѣе и тѣмъ легче мы можемъ его возобновить, чѣмъ разнообразіе связь, въ которую оно вступило съ самыми различными областями нашего чувства и представленія, и мы довольно часто замѣчаемъ, что прожитое, которое, казалось, совершенно исчезло изъ нашей памяти, вдругъ неожиданно выступаетъ передъ нами при повтореніи аналогичнаго состоянія сознания. Точно такъ же нѣтъ недостатка въ примѣрахъ изолированнаго воспоминанія, которое обязано какой-нибудь ассоціаціи, и при которомъ мы не сознаемъ причины представленія или побужденія къ опредѣленному дѣйствию, — совершенно такъ же какъ и при послѣгипнотическомъ вліяніи внушеній. Если такія явленія объяснять гипотезой двойнаго сознания, то для этого мало высшаго и низшаго сознания въ каждомъ человѣкѣ, но слѣдовало бы предположить, что каждая личность слагается изъ цѣлой массы лицъ.

Психическій механизмъ процессовъ воспоминанія дѣлаетъ понятнымъ всѣ эти явленія, и вовсе нѣтъ надобности прибѣгать къ такимъ фантастическимъ гипотезамъ, которыя въ дѣйствительности ничего не объясняютъ, такъ какъ онѣ только олицетворяютъ самыя факты, подлежащіе объясненію.

Тогда какъ при пробужденіи изъ глубокаго гипноза внезапно измѣняется весь строй сознания, его представленія, чувство и воля, точно такъ же необходимо моментально должна порваться и связь съ предшествовавшимъ состояніемъ. Но, конечно, бывшіе въ немъ процессы подобно всѣмъ другимъ оставили свой слѣдъ, и они могутъ опять возобновиться, какъ только имъ дадутъ толчокъ какія-нибудь ассоціаціи. Это можетъ случиться какъ съ однимъ только представленіемъ, такъ и со всѣмъ состояніемъ сознания. Первое произойдетъ, конечно, тогда, когда строй сознания въ общемъ совершенно измѣненъ, но извѣстное представленіе получаетъ опору со стороны ассоціаціи. Такъ вообще бываетъ при пробужденіи изъ гипноза. Здѣсь послѣгипнотическій автоматизмъ по приказанію или галлюцинаціи всегда могутъ получаться только благодаря тому, что предшествовавшее внушеніе заключаетъ въ себѣ намекъ на такую опору со стороны ассоціаціи, представляется-ли эта опора, какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, сама собою, или же она является въ видѣ слова, т. е. въ видѣ возобновившагося въ бодрственномъ состояніи словеснаго внушенія. Гдѣ этого не случается, тамъ внушеніе, данное во время гипноза, не дѣйствительно. Простымъ образчикомъ такихъ внушеній, сопровождаемыхъ полной амнезіей при бодрственномъ состояніи, является тотъ простой актъ узнаванія,

когда мы сознаемъ, что у насъ уже было какое-нибудь представление, не будучи однако въ состояніи вызвать тѣ обстоятельства, при которыхъ оно было ¹⁾. Какъ здѣсь, очевидно, актъ узнаванія совершается только чрезъ посредство аналогій въ состояніи чувства, опредѣляемой смутными представленіями, такъ то же самое бываетъ и при послѣгипнотическихъ дѣйствіяхъ, примыкающихъ къ какой-либо ассоціаціи. Если иногда лица, дѣйствуя по внушенному, но забытому приказанію подобнаго рода, утверждаютъ, будто у нихъ было такое чувство, что они должны сдѣлать именно это, не зная почему, то, по моему мнѣнію, аналогія этихъ явленій прямо бросается въ глаза. Поэтому нельзя также допустить, что внушенное приказаніе совершенно не сознается; оно пробуждается при помощи наличной ассоціаціи, но остается смутнымъ въ представленіи, и до яснаго сознанія доходятъ только представленія выполняемаго дѣйствія или воспринимаемаго предмета. Дальше же по общимъ законамъ ассоціаціи всегда отъ такого отдѣльнаго представленія можетъ возобновиться также и весь соотвѣтствовавшій ему строй сознанія. Такимъ образомъ понятно, что тамъ, гдѣ послѣгипнотическое вліяніе состоитъ изъ послѣдовательнаго ряда дѣйствій, т. е. изъ группы представленій, занимаю-

¹⁾ Ср. разборъ этого случая въ *Philosoph. Stud.* VII, стр. 346.

щихъ уже сами по себѣ значительную часть сознанія, — тамъ возобновляется сомнамбулическое состояніе въ теченіе этого послѣгипнотическаго вліянія.

Такое повтореніе сомнамбулическаго состоянія, повидимому, особенно легко бываетъ въ томъ случаѣ, когда между пробужденіемъ и послѣгипнотическимъ вліяніемъ протекаетъ болѣе продолжительное время, въ теченіе котораго сознаніе было совершенно ясно. Здѣсь это повтореніе вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ возможность возобновленія тѣхъ нейродинамическихъ условий, которыя являются причиной галлюцинаторнаго характера внушенныхъ представленій. Въ остальномъ же ассоціація дѣйствуетъ здѣсь не иначе, какъ и при явленіяхъ, которыя бываютъ сейчасъ же послѣ пробужденія. И тутъ въ качествѣ условія для наступленія дѣйствія всегда долженъ быть какой-либо внѣшній признакъ, пробуждающій нужную ассоціацію. Очень часто такимъ признакомъ является тотъ моментъ времени, который назначенъ для выполненія внушенія. При томъ этого момента обыкновенно ассоціируется только съ первымъ изъ предпринимаемыхъ дѣйствій, вслѣдствіе за чѣмъ уже рядъ этихъ дѣйствій вызываетъ дльнѣйшія необходимыя ассоціаціи. Здѣсь, повидимому, всегда послѣдовательный рядъ явленій начинается автоматизмомъ по приказанію и кончается галлюцинаціей, а не наоборотъ. Лишь только вліяніе, требующее болѣе рѣшительнаго повторенія сомнамбулическаго

состоянія, сказалося, наконецъ, сильнѣе, весь ходъ явленій существенно облегчается. Кромѣ того къ безотчетнымъ дѣйствіямъ очень легко могутъ при-
мыкать дальнѣйшіе моменты, помогающіе ассоціаціи и возникающіе подъ вліяніемъ выполнения самыхъ дѣйствій; напр., загипнотизированному говорятъ: „завтра въ 7 часовъ вы отыщете меня въ мой комнатъ, вы увидите меня съ совершенно чернымъ лицомъ и будете помрять со смѣху“. Здѣсь ударъ часовъ или моментъ, опредѣляемый какимъ-нибудь другимъ способомъ, пробуждаетъ прежде всего только безотчетное дѣйствие — отправленіе въ комнату. Если бы искомага лица не оказалось, то не было бы и всего другого. Но видъ его тотчасъ же пробуждаетъ внушенную галлюцинацію, которая точно такъ же ассоціирована съ движеніями, служащими для выраженія смѣха. При этомъ, конечно, предшествовавшее проявленіе безотчетнаго влеченія, захватывающее все сознаніе, подготовило наступленіе частичнаго сомнамбулизма.

На видъ изъ этихъ внушеній на срокъ загодичнѣе всего тѣ, при которыхъ между гипнозомъ и внушеннымъ дѣйствіемъ протекаетъ очень долгое время, иногда цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы. Именно для такихъ случаевъ почти всегда предполагалось чувство времени, доходящее до поразительной степени вслѣдствіе будто бы повышенной психической жизнѣдѣтельности. Но нѣкоторыя наблюденія *Берн-*

гейма приводятъ и эти явленія въ легко понятную связь съ остальными послѣ гипнотическими дѣйствіями. *Бернеймъ* замѣтилъ именно, что не только въ новомъ гипнозѣ, но и во *снѣ* можетъ явиться воспоминаніе о предшествовавшемъ гипнозѣ и о бывшихъ въ немъ внушеніяхъ, которыя были въ полной амнези во время бодрственной жизни ¹⁾. Известно же, что намѣреніе выполнить какое-либо дѣйствие всегда оставляетъ наклонность воспроизвести представленіе этого дѣйствія. Это объясняется тѣмъ, что въ такихъ случаяхъ всякое подходящее впечатлѣніе прямо или косвенно становится опорой для ассоціаціи даннаго представленія. Но при этомъ здѣсь, какъ и вездѣ, условіемъ для дѣйствительнаго возобновленія всегда остается сходство съ остальнымъ состояніемъ сознанія. Поэтому въ глубокомъ снѣ мы забываемъ рѣшенія, принятыя нами во время бодрствованія; напротивъ, они могутъ опять всплыть въ сознаніи во время полусна, близкаго къ бодрствованію. Такъ объясняется то, что многіе могутъ просыпаться утромъ въ опредѣленный часъ и, не смотря на то, спокойно спать до этого времени. Рѣшеніе всплываетъ здѣсь только во время предутреннаго легкаго сна и можетъ вызвать пробужденіе или непосредственно, или при содѣйствіи слабаго чувственнаго раздраженія, которое произво-

¹⁾ *Bernheim*, ук. соч., стр. 142.

дять, напр., утренній брежущій свѣтъ или ударъ часовъ. Наоборотъ, приказаніе, данное во время глубокаго гипноза, забывается во время бодрствованія, но снова вспоминается, какъ только остальное состояніе-сознанія становится сходнымъ, т. е. при новомъ гипнозѣ или во снѣ. И это тоже дѣйствіе ассоціаціи. Сходное состояніе сознанія вызываетъ сходное состояніе чувства, сходныя ощущенія, вслѣдствіе чего могутъ тоже возобновиться и связанныя съ этимъ представленія, бывшія раньше, а именно, если имъ благоприятствуютъ особыя признаки, напр., категорическое приказаніе. Благодаря такимъ повтореніямъ, вырабатывается сноровка, столь важная при всѣхъ функціяхъ памяти, отчего, спустя сравнительно долгое время, приказаніе данное во время внушенія, исполняется такъ же быстро и точно, какъ будто бы оно только что было отдано. Да и въ дѣйствительности для функционирующаго сознанія оно является только что пережитымъ, такъ какъ новый гипнозъ или сонъ, во время котораго оно вспомнилось, могъ быть не задолго передъ тѣмъ.

Такимъ образомъ гипнозъ, какъ ни поразителенъ иногда на первый взглядъ его явленія, нигдѣ не представляетъ симптомовъ, которые не находили бы себѣ объясненія въ хорошо извѣстныхъ физиологическихъ и психологическихъ фактахъ или требовали бы въ одномъ изъ этихъ направлений по-

выхъ гипотезъ, противорѣчащихъ механикѣ нервной системы или переходящихъ за предѣлы извѣстныхъ намъ законовъ сознанія. Еще недостаточно оцѣнена заслуга *Бернейма*, одного изъ самыхъ основательныхъ практическихъ знатоковъ гипноза, что онъ настоятельно указалъ на связь его съ знакомыми явленіями, именно съ состояніемъ нормальнаго сна, и представилъ убѣдительныя доказательства въ пользу объясненія даже самыхъ поразительныхъ симптомовъ изъ простыхъ и понятныхъ условій. Если же выше я не могъ въ общемъ прикинуть къ объясненіямъ *Бернейма*, то это только на томъ основаніи, что для этого изслѣдователя была далека психологическая точка зрѣнія, и что онъ поэтому думалъ, будто можно довольствоваться тѣми аналогіями, которыя ему представлялъ рефлекторный процессъ, если на дѣло смотрѣть съ чисто физиологической точки зрѣнія. Но, какъ мнѣ думается, я показалъ уже выше, что дѣйствительно, при данномъ положеніи дѣла, нельзя довольствоваться только чисто психологическимъ толкованіемъ гипноза, точно такъ же какъ и при объясненіи близкихъ ему явленій сна и сновидѣній. Напротивъ, нельзя обойтись безъ того, чтобы не предположить извѣстныхъ измѣненій въ мозгу, которыя какимъ-нибудь образомъ надо вывести изъ общей механики нервныхъ центровъ. Но въ вышензложенномъ я, надѣюсь, также показалъ, что и стинный

путь къ подходящей гипотезѣ о природѣ этихъ измѣненій состоить не въ томъ, что прямо подыскиваютъ между болѣе извѣстными центральными функциями такія, подъ которыя можно бы подвести наблюдаемыя явленія, но прежде всего необходимъ точный психологическій анализъ фактовъ, на основаніи котораго, съ одной стороны, при помощи извѣстныхъ физиологическихъ свойствъ нервного вещества, а съ другой — опираясь на принципъ психофизическаго параллелизма, служащій здѣсь вездѣ руководящей нитью, слѣдуетъ затѣмъ искать подходящаго физиологическаго объясненія.

Въ заключеніе я не могу не замѣтить, что считая въ общемъ вполне объяснимыми и чисто физиологическія послѣдствія внушенія, — именно вызываемыя имъ гипереміи, кровозливія, выдѣленія или задержки этихъ процессовъ, — на основаніи извѣстныхъ сосудодвигательныхъ и выдѣлительныхъ функций нервовъ и на основаніи вышесказанныхъ предположеній о природѣ центральныхъ измѣненій во время гипноза. Но такъ какъ это далеко отъ психологической задачи данной работы, то я и хочу ограничиться здѣсь только этимъ замѣчаніемъ.

III. Внушеніе какъ экспериментальный методъ.

Экспериментальный методъ обыкновенно понимается въ узкомъ и широкомъ смыслѣ. Въ широ-

комъ смыслѣ подъ нимъ можно понимать всякій приемъ, благодаря которому наблюдатель измѣняетъ предметъ своего наблюденія и тѣмъ вызываетъ въ немъ явленія, которыхъ въ немъ не было бы безъ этого внимательства. Тутъ совѣзмъ не принимается въ расчетъ, можетъ-ли наблюдатель по собственному произволу направлять вызванныя измѣненія, или же результатъ его воздѣйствій находится внѣ его власти. Въ узкомъ же смыслѣ подъ экспериментальнымъ понимаютъ только такой приемъ, при которомъ экспериментаторъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи не только свою волю, производящую внѣшнія измѣненія, но и самые предметы, на которые эта воля вліяетъ, такъ что ему становится возможнымъ примѣнить тѣ методы, которые такъ характеризуютъ экспериментальный приемъ, а именно *элиминированіе условій и измѣненіе въ силѣ явленій* ¹⁾. Особенно въ точныхъ наукахъ, въ физикѣ, химіи, а въ новое время и въ физиологій, понятіе экспериментальнаго метода ограничено — и, конечно, совершенно основательно — только что указаннымъ приемомъ. Если обстоятельства, при которыхъ происходитъ воздѣйствіе, не вполне въ нашей власти, то оно можетъ повести къ новымъ результатамъ, но это въ сущности происходитъ не иначе, какъ и при простомъ наблюденіи, безъ вся-

¹⁾ Ср. къ этому моему „Логикѣ“, II, 301сс.

каго внимательства эксперимента. Въ наблюдении нѣтъ тѣхъ особенныхъ свойствъ, благодаря которымъ настоящій экспериментъ несравненно цѣлесообразнѣе и быстрѣ ведетъ къ выясненію причинъ и законовъ явленій. Когда минералогъ разбиваетъ неизвѣстную ему каменную породу, чтобы посмотреть, не скрывается-ли въ ней другихъ знакомыхъ ему минераловъ, или когда физиологъ дѣлаетъ выемку изъ мозга животнаго, чтобы посмотреть, что станетъ съ нимъ послѣ этого, то это называютъ не экспериментомъ въ узкомъ и существенномъ смыслѣ слова, но такіе опыты признаются развѣ только предварительными опытами, которые при правильномъ примѣненіи могутъ повести къ настоящимъ экспериментамъ.

Но къ этимъ точкамъ зрѣнія, имѣющимъ значеніе для всѣхъ до нѣкоторой степени точныхъ областей, въ психологіи прибавляется еще одна, которая здѣсь еще больше суживаетъ экспериментъ въ собственномъ смыслѣ слова. Психологическій экспериментъ относится къ содержанію сознанія, — все равно, будетъ-ли это сознаніе самого наблюдателя или какого-либо другого существа. Мы можемъ или ограничиться наблюдениемъ объективныхъ измѣненій, которыя вызываетъ во внѣшнихъ проявленіяхъ какое-либо воздѣйствіе на сознаніе, или же вмѣстѣ съ тѣмъ мы можемъ наблюдать и субъективныя явленія въ самомъ сознаніи. Въ первомъ

случаѣ всегда возможны только очень сомнительныя заключенія. Наблюдатель долженъ здѣсь прилагать масштабъ своего собственного сознанія. Но при этомъ можетъ случиться, и навѣрно случалось безконечно много разъ, что наблюдатель ошибочно прилагаетъ этотъ масштабъ, приводя въ связь наблюдаемые факты не съ тѣми субъективными явленіями, которыя дѣйствительно близки между собою, но съ совершенно другими, которыя только случайно могутъ имѣть сходные объективные симптомы. Поэтому съ каждымъ шагомъ, который пыталась дѣлать экспериментальная психологія въ анализѣ психическихъ процессовъ, становилось все яснѣе и яснѣе, что самой важной и плодотворной формой психологическаго эксперимента является та, при которой сознаніе, служащее объектомъ экспериментальнаго воздѣйствія, въ то же время является и предметомъ тщательнаго и умѣлаго *самонаблюдения*. Но этотъ фактъ находится въ соотношеніи съ другимъ, а именно, что истинное самонаблюденіе достижимо только путемъ эксперимента. Не разъ уже указывалось, какъ не вѣрно мнѣніе старой психологіи, будто бы необходимо только забраться куда-нибудь подальше отъ людей и направить вниманіе на собственное я, чтобы можно было наблюдать процессы сознанія какъ разъ такъ же — или, если можно, то еще и точнѣе, — какъ обыкновенно при-

ходится слѣдить за началомъ и теченіемъ внѣшнихъ явленій природы.

Въ этомъ случаѣ, гдѣ наблюдающій субъектъ и наблюдаемый объектъ совпадаютъ, невозможно безстрастное наблюденіе, и во всякомъ случаѣ тутъ ускользаетъ отъ наблюденія какъ разъ то, что желательнее было бы наблюдать. Это такъ ясно, что нѣтъ никакой надобности подробно останавливаться на этомъ еще разъ ¹⁾. Но точно такъ же внѣ всякаго сомнѣнія и то, что дѣло мѣняется, какъ только мы сдѣлаемъ сознание предметовъ экспериментальнаго воздѣйствія. Только экспериментъ позволяетъ возобновить извѣстное состояніе сознания приблизительно въ томъ видѣ, какъ оно было вслѣдствіе извѣстнаго внѣшняго воздѣйствія, — возобновить, повторивъ то же воздѣйствіе при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ, и тѣмъ дѣлаетъ возможнымъ все болѣе и болѣе отчетливое воспріятіе происходящихъ въ данный моментъ процессовъ. Именно область хронометрическихъ экспериментовъ въ психологій полна такими самонаблюденіями, которыя возможны только при помощи эксперимента. Они только въ связи съ экспериментально измѣненными внѣшними условіями даютъ результаты, имѣющіе психологическую цѣнность только въ той мѣрѣ,

¹⁾ Ср. къ этому статью о самонаблюденіи и внутреннемъ воспріятіи въ *Philos. Studien*, IV, стр. 292сс.

въ какой они вынуждаютъ отъ самонаблюденія отвѣтъ на точно поставленный вопросъ. Напомню объ опытахъ надъ объемомъ сознанія, надъ чувствомъ времени, надъ различными формами реакціи въ зависимости отъ субъективныхъ условій, надъ периодическими колебаніями вниманія, по вопросу о количественныхъ и качественныхъ, законахъ ассоціацій и т. д., и т. д. Можно даже прямо сказать: нѣтъ сколько-нибудь цѣннаго эксперимента, въ которомъ главное участіе не приходило бы на долю самонаблюденія, а на долю внѣшняго экспериментальнаго воздѣйствія — только значеніе вспомогательнаго средства, дѣлающаго возможнымъ самонаблюденіе и отмѣчающаго нѣкоторые результаты его. Поэтому, если при психологическомъ экспериментѣ, точно такъ же и при экспериментѣ въ области естествознанія, получаемые результаты обыкновенно есть возможность представить въ числахъ, то это только второстепенный, хотя и необходимый моментъ. Сами по себѣ числа не имѣютъ никакого значенія, какъ не имѣетъ значенія и тотъ фактъ, что какое-либо химическое тѣло имѣетъ столько-то процентовъ углерода, если разсматривать этотъ фактъ особнякомъ, независимо отъ законовъ соединенія тѣла и закономѣрныхъ отношеній его къ другимъ тѣламъ. Числа могутъ быть вспомогательнымъ средствомъ для открытія законовъ и для примѣненія нѣкоторыхъ законовъ явленій. Но для объясненія

тельной науки они въ концѣ концовъ никогда не бывають цѣлью сами по себѣ. Поэтому ничто такъ не говоритъ о прискорбномъ невѣжествѣ, которое господствуетъ теперь даже въ кругу занимающихся психологіей относительно истинной сущности психологическаго эксперимента, какъ тотъ фактъ, что представитель гипнотической психологіи далъ ей название экспериментальной, а для всей области экспериментальныхъ методовъ, возможныхъ только на почвѣ умѣлаго самонаблюденія, предложилъ название „численной психологіи“. Почти съ такимъ же удобствомъ можно было бы назвать алхімію экспериментальной химіей, научную химію со временъ *Лавуазье* — „химіей вѣсовъ“. Алхимики экспериментировали и рѣдко или никогда не пользовались вѣсами. Это, конечно, такъ же вѣрно, какъ и то, что теперешняя химія не можетъ обойтись безъ нихъ. Точно такъ же несомнѣнно, что и гипнотисты экспериментируютъ и что представители психологіи, возникшей на почвѣ психофизики, измѣряютъ. Но при этомъ упускается изъ виду бездѣлица, а именно, что вѣдъ и химики, прибѣгающіе къ вѣсу, и психологи, обращающіеся къ измѣренію, тоже экспериментируютъ, и что поэтому вопросъ о томъ, какой изъ способовъ экспериментирования лучше, т. е. какой въ данномъ случаѣ даетъ больше свѣдѣній о составѣ сознанія, гораздо важнѣе вопроса, прибѣгаютъ-ли къ измѣренію, или нѣтъ. Я

часто слышалъ отъ представителей „интроспективнаго метода“ замѣчаніе, что въ сущности довольно безразлично, длится-ли психическій процессъ немного больше или меньше, различается-ли одно ощущеніе отъ другого и въ какой именно степени. Нельзя не сказать, что эти философы совершенно правы; я даже иду еще дальше: мнѣ думается, что даже такіе факты, какъ разстояніе солнца отъ земли, или скорость свѣта, или механическій эквивалентъ тепла и т. под., если ихъ разсматривать особнякомъ, безъ отношенія къ другимъ фактамъ, съ которыми они образуютъ цѣлую систему закономѣрныхъ отношеній, не имѣютъ ровно никакого значенія. Если бы единственною цѣлью экспериментальной психологіи были числа, то въ самомъ дѣлѣ было бы лучше направить затрачиваемый трудъ на что-нибудь другое, наприм., на усовершенствованіе швейныхъ машинъ. Но какъ мало здѣсь важны только числа, это, по моему мнѣнію, доказывается уже тѣмъ фактомъ, что по моимъ наблюденіямъ люди съ большими дарованіями и съ высокимъ научнымъ образованіемъ, которымъ ничего не стоило бы дѣлать полезныя наблюденія и эксперименты въ какой-либо области естествознанія, оказываются неспособными для этого въ психологіи, такъ какъ у нихъ нѣтъ неизбѣжнаго здѣсь навыка сосредоточивать вниманіе и способности къ самонаблюденію, а также нѣтъ способности возоб-

новлять при тѣхъ же условіяхъ и приблизительно въ томъ же видѣ извѣстныя состоянія сознания. Поэтому даже тѣмъ товарищамъ по занятіямъ психологіей, которые въ числахъ видятъ еще меньше значенія, чѣмъ я, и которые не имѣютъ ни малѣйшей склонности работать надъ опредѣленными экспериментальными проблемами, я бы все же рекомендовалъ занятіе экспериментальной психологіей. Приемъ, какимъ они здѣсь приучаются упражнять свое вниманіе и самонаблюденіе, могъ бы пригодиться имъ и для самонаблюденія. Быть можетъ, они только въ этомъ случаѣ въ первый разъ узнали бы, что такое настоящее самонаблюденіе.

Но въ какой же степени отвѣчаетъ *внушеніе* требованіямъ психологическаго эксперимента? Само собою разумѣется, что воздѣйствія со стороны внушенія, какъ тѣ, которыя вызываютъ гипнозъ, такъ и тѣ, которыя ведутъ къ опредѣленнымъ явленіямъ во время гипнотическаго состоянія или по пробужденіи изъ него, можно назвать экспериментальнымъ приемомъ въ томъ *широкомъ* смыслѣ слова, о которомъ говорилось въ началѣ этой главы. Но не менѣе ясно, что уже характеръ экспериментальнаго метода въ томъ *узкомъ* смыслѣ, до какого свели это понятіе естественныя науки, принадлежитъ этимъ воздѣйствіямъ только въ очень ограниченной степени, и что имъ не хватаетъ съ точки зрѣнія психологическаго эксперимента самаго цѣннаго ус-

ловія, а именно настоящаго самонаблюденія, болѣе того—нѣтъ даже обыкновеннаго неточнаго самонаблюденія какъ разъ при самыхъ интересныхъ случаяхъ глубокаго гипноза, вслѣдствіе бывающей при этомъ амнезіи.

Самая сущность дѣла ведетъ къ тому, что внушенію, какъ эксперименту, совершенно недостаетъ того произвольнаго распоряженія предметомъ, которое вездѣ является признакомъ истиннаго эксперимента. Уже самая удача внушенія, вызывающаго гипнозъ, зависитъ отъ обстоятельствъ, которыя не могутъ быть во власти экспериментатора. Точно такъ же не въ его власти вызвать слабый или болѣе сильный сонъ, а слѣдовательно, не въ его власти вызвать только отрицательные симптомы или же и положительные симптомы автоматизма по приказанію и галлюцинаціи. Правда, упражненіемъ можно достигъ больше точности. Но упражненіе производитъ также склонность къ однообразному повторенію однихъ и тѣхъ же явленій, такъ что въ такихъ случаяхъ послѣдующіе сеансы рѣдко прибавляютъ что-либо новое къ прежнимъ. Къ этому прибавляется еще и то, что воздѣйствія вслѣдствіе своеобразнаго характера гипнотическихъ явленій слѣдуютъ очень однообразному шаблону. Всякій, кто познакомился съ литературой гипнотизма, знаетъ, что, когда прочтешь пять или шесть наблюденій, соответствующихъ различнымъ степенямъ гипноза

и его послѣдствій, то читать дальше нѣтъ уже надобности: дальнѣйшее представляетъ только повтореніе одной и той же схемы съ легкими измѣненіями лишь во внѣшнихъ обстоятельствахъ. Опыты при помощи внушенія здѣсь вездѣ держатся въ тѣхъ же границахъ, какъ и тѣ воздѣйствія, которыя можно производить на нормальное сновидѣніе и которыя такъ мало могутъ быть доступны нашей власти и подвергаться измѣненіямъ.

Чтобы глубже проникнуть въ связь процессовъ сознанія во время гипноза, дѣлалось много попытокъ рядомъ съ внушеніемъ воспользоваться еще и другими воздѣйствіями, путемъ которыхъ можно экспериментально вліять и на сознаніе бодрствующаго человѣка. Такъ съ внушеніемъ хотѣли связать психофизическій экспериментъ. Но въ этихъ-то попыткахъ какъ нельзя болѣе ясно обнаруживается весь тотъ недостатокъ гипноза, что онъ не допускаетъ никакого самонаблюденія или, если и допускаетъ, то очень несовершенное. Вѣдь если сомнамбула въ извѣстной степени и можетъ дать отчетъ о томъ, что она воспринимаетъ и чувствуетъ, то все же болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы можно было сосредоточить вниманіе такъ, какъ этого требуютъ настоящее самонаблюденіе. Да и нѣтъ никакого средства удостовѣриться, въ какой степени было сосредоточено вниманіе, такъ какъ съ пробужденіемъ наступаетъ амнезія, и сомнамбула при бодр-

ственномъ сознаніи сама не въ состояніи дать отчетъ какъ себѣ, такъ и другимъ о томъ, что съ нимъ было.

Произведенные до сихъ поръ эксперименты во время гипноза относятся частью къ времени реакціи для чувственныхъ впечатлѣній, отчасти касаются того, что происходитъ съ внушенными галлюцинаціями при какихъ-нибудь оптическихъ вліяніяхъ, которыя при бодрственномъ сознаніи измѣняютъ или свойство ощущеній или проецированіе субъективныхъ представленій во внѣшнемъ пространствѣ. Въ первомъ отношеніи свидѣтельства *Стенли Галля*, *В. Джемса* и *Бони* представляютъ настоящій хаосъ противорѣчивыхъ показаній, изъ которыхъ можно заключить развѣ только то, что вообще такіе опыты не могутъ дать никакихъ годныхъ результатовъ. *Стенли Галль* нашелъ, что время реакціи укорачивается почти на половину; *Джемсъ* нашелъ наоборотъ, что оно увеличивается вдвое; *Бони* получилъ шаткіе результаты, но думаетъ, что реакція во время гипноза можетъ укорачиваться ¹⁾. Кто знаетъ, какія трудности связаны съ точнымъ и надежнымъ опредѣленіемъ времени реакціи, тотъ безъ всякихъ оцѣнокъ не придастъ никакой цѣны всѣмъ этимъ измѣненіямъ; вообще онъ будетъ считать не-

¹⁾ Ср. сводъ свидѣтельствъ у *A. Moll, Der Hypnotismus*, 2-е изд., стр. 213с.

• возможным при существующих обстоятельствах производить какие-либо пригодные опыты, такъ какъ для нихъ точно также нѣтъ субъективныхъ условий, какъ и душевныхъ больныхъ и пидютовъ.

Нѣсколько лучше обстоитъ дѣло съ опытами относительно проекціи галлюцинацій. Но и тутъ противорѣчія между отдѣльными наблюдателями, какъ относительно самихъ явленій, такъ и относительно ихъ объясненія, достаточно ясно показываютъ, въ какой степени сомнамбулическое состояніе не годится для того, чтобы дать точный отвѣтъ на поставленный вопросъ. Такъ *Бине* и *Фере* пробовали внушать смѣшанныя свѣтотыя впечатлѣнія и думали установить, что такія смѣшенія происходятъ точно такъ же, какъ и смѣшенія физическихъ цвѣтовъ. Если они внушали, наприм., что одинъ изъ двухъ бѣлыхъ листовъ бумаги зеленого, а другой — красного цвѣта, то лицо, подвергавшееся опытамъ, утверждало, что въ результатѣ наложенія одного образа на другой получается бѣлый цвѣтъ. Съ помощью призмы они могли разложить внушенный образъ на два двойныхъ образа, а при помощи луны измѣнять его кажущуюся величину и т. под. Въ противоположность этому *Бернгеймъ* совсѣмъ не могъ наблюдать смѣшенія внушенныхъ ощущеній на цвѣтномъ кружкѣ, — наоборотъ, вслѣдствіе вращенія внушенныя ощущенія постоянно исчезали. Но при проекціяхъ съ помощью призмы оказалось,

что образы помѣщаются во внѣшней средѣ по тѣмъ же самымъ законамъ, какимъ слѣдуетъ и проекція образовъ сѣтчатой оболочки въ бодрственномъ состояніи ¹⁾. Итакъ, въ этомъ отношеніи опыты съ сомнамбулами не дали ничего новаго, чего нельзя было бы подтвердить на галлюцинаціяхъ бодрственного сознанія или еще проще на слѣдахъ, остающихся въ немъ отъ образовъ. Но они показываютъ, какъ трудно въ этомъ состояніи установить даже такія простыя отношенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ они бросаютъ яркій свѣтъ на замѣтную въ такихъ случаяхъ склонность приписывать сомнамбулическому состоянію чудесныя, ему одному свойственныя силы. Такъ *Ломброзо* считаетъ галлюцинаціи во время гипноза „проекціями молекулярныхъ движеній ретины наружу, происходящими благодаря діоптрическому вліянію глазной среды“; другими словами: загнипнотизированный будто бы обладаетъ чудесной способностью посылать изъ своего глаза свѣтотыя лучи во внѣшнее пространство ²⁾! *Шмидкунигъ*, повидимому, предпочитаетъ другое предположеніе — „не оптического, а матеріальнаго проецированія при помощи истеченій изъ тѣла“, при чемъ „надо представить себѣ, что эти истеченія находятся въ тончайшей зависимости отъ душевныхъ или фізи-

¹⁾ *Bernheim*, ук. соч., стр. 88сс.

²⁾ *Lombroso*, Congrès internat. de Pshychol. physiol. Paris 1890, стр. 139.

ологических процессов“¹⁾. Если бы эти исследователи потрудились изучить хорошо известные физиологам законы, которымъ слѣдуетъ проекція остатковъ отъ образовъ, то отъ нихъ не ускользнуло бы, что галлюцинаціи гипнотиковъ имѣютъ совершенно такой же видъ, какъ и всѣ субъективныя зрительныя представленія, которыя мы переносимъ наружу. Но для чего брать на себя и этотъ трудъ? Вѣдь гипнотизмъ, по взгляду этихъ авторовъ, — наука, полная тайнъ, о которой уже заранѣе надо предположить, что для нея не годятся общіе законы оптики и обыкновенныя условія чувственного воспріятія.

Въ виду этихъ дѣйствительныхъ результатовъ экспериментовъ надъ внушеніемъ я не могу согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ психологовъ, которые видятъ во внушеніи самое цѣнное вспомогательное средство экспериментальной психологіи и пророчать неожиданныя успѣхи для нашего психологическаго знанія отъ дальнѣйшей разработки этого метода. Онъ долженъ пролить свѣтъ „на самую основу личности, на психологію не только представленія, но и чувства, воли и ея мотиваци“, и въ этомъ направленіи можно надѣяться въ будущемъ на неожиданныя выводы. Разумѣется, я не хочу отрицать, что автоматизмъ по приказанію является цѣннымъ

¹⁾ *Schmidkunz*, Psychologie der Suggestion, стр. 122.

свидѣтельствомъ въ пользу развитія сложныхъ волевыхъ дѣйствій изъ простыхъ. Но объ этомъ развитіи знали уже и до гипнотизма. Какъ мало помощи можетъ дать тутъ гипнотизмъ самъ по себѣ, это достаточно показываютъ всѣ тѣ попытки объясненія, которыя не выдаютъ въ этихъ явленіяхъ ничего, кромѣ рефлексовъ, и такимъ образомъ выдѣляютъ ихъ изъ области воли. Кому еще не извѣстны изъ самонаблюденія, направляемаго точнымъ экспериментомъ, основныя явленія душевной жизни, тотъ едва-ли получитъ какія-нибудь свѣдѣнія изъ наблюденія сомнамбулъ и лицъ, погруженныхъ въ летаргію, и изъ ихъ показаній. Поэтому, конечно, явится необходимость вывести вліянія гипнотическихъ внушеній изъ психологическихъ знаній, добытыхъ иными путями. Но что выходитъ изъ того, если, наоборотъ, хотятъ вывести психологію изъ слѣдствій внушенія, то для этого не особенно утѣшительные примѣры мы находимъ въ возникшихъ на такой почвѣ теоріяхъ гипнотической психологіи, о которыхъ уже была рѣчь, а также и въ только что упомянутыхъ здѣсь экспериментальныхъ успѣхахъ. Да чего уже больше, если во Франціи, а по примѣру французовъ и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ „обществахъ экспериментальной психологіи“ гипнотизмъ и экспериментальная психологія считаются за одно и то же? Если твердо держаться того строгаго понятія объ экспериментальномъ методѣ,

которое выработалось в точных науках и которое, по их примеру и благодаря данным ими вспомогательным средствам, можно перенести и в психологию в скромных границах, определяемых трудностью предмета, и при особых условиях, зависящих от требований точного самонаблюдения,—то внушение никак не может представлять притязания на название экспериментального приема. Было бы мыслимо, что его еще можно бы принять в расчет, как вспомогательное средство, с которым пришлось бы только связать более точный метод. Но опыты до сих пор дают мало надежды на какой-либо успех в этом направлении, который и без того, за невозможностью надежного самонаблюдения, является более чем спорным. Конечно, гипнотическія состоянія, так же как сон и сновидѣніе, душевныя болѣзни и другія ненормальныя состоянія, будут привлекать вниманіе психолога. Какъ здѣсь, такъ и тамъ онъ долженъ будетъ прежде всего объяснять отклоненія, исходя изъ извѣстныхъ, доступныхъ болѣе точнымъ методамъ фактовъ нормальнаго сознанія, чтобы затѣмъ вездѣ, гдѣ только возможно, в свою очередь изъ этихъ отклоненій получить подтвержденіе для результатовъ, добытыхъ инымъ путемъ. Въ этомъ отношеніи гипнотизмъ представляетъ такую же, но не большую, цѣнность, какъ сновидѣнія и душевныя болѣзни. Да, пожалуй, формы этихъ

болѣзней, по своимъ условіямъ и явленіямъ представляющія гораздо больше разнообразія, дадутъ для будущей психологіи болѣе богатый и плодотворный матеріалъ для освѣщенія нормальныхъ сторонъ посредствомъ ненормальныхъ, чѣмъ гипнозъ, у котораго формы возникновенія и проявленія гораздо однообразнѣе. Но внушеніе такъ же мало относится къ экспериментальному методу въ истинномъ смыслѣ этого слова, какъ мало заслуживаютъ названія точнаго эксперимента произвольныя воздѣйствія на грезы, вызваніе галлюцинацій при помощи гашиша, хлороформа и тому подобныхъ средствъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о ненормальныхъ состояніяхъ, вызванныхъ произвольно и въ этомъ смыслѣ, конечно, путемъ эксперимента въ широкомъ значеніи этого слова. Но такъ какъ они въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи только косвенно доступны экспериментальному воздѣйствію, то они должны быть предоставлены главнымъ образомъ одному лишь наблюденію, субъективному-ли или объективному. Гипнотизмъ по преимуществу въ этомъ смыслѣ принадлежитъ къ самой большой части наблюдательной, а не эмпирической психологіи, такъ какъ въ немъ условія наблюденія очень сужены недостаткомъ или полнымъ отсутствіемъ самонаблюденія.

IV. Практическое значеніе гипнотизма.

Если послѣ всего этого я не могу признать за гипнотизмомъ коренного значенія для психологии, котораго ждуть отъ него гипнотисты, то, напротивъ, мнѣ думается, что далеко не мало важное значеніе его заключается въ другой области, именно въ *практической медицинѣ*. Кто читалъ тщательное изображеніе явленій гипноза, отличающееся характеромъ здоровой объективности, у главнаго представителя школы Нанси, *Бернейма*, куда приываютъ главнымъ образомъ результаты *Фореля* въ Цюрихѣ и *Веттерстранди* въ Стокгольмѣ¹⁾, тотъ не можетъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что здѣсь дѣйствительно дѣло идетъ о приобрѣтеніи необычайно важнаго терапевтическаго метода, отъ котораго можно ожидать тѣмъ больше, чѣмъ ближе онъ подойдетъ къ другимъ рационально поставленнымъ врачевнымъ приемамъ и сумѣетъ, какъ этого добивался прежде всѣхъ *Бернеймъ*, освободиться отъ заблужденій стараго месмеризма, отъ которыхъ онъ по временамъ страдаетъ еще до сихъ поръ. Если терапія внушенія по самой сущности дѣла ограничена главнымъ образомъ функциональными расстройствами, то это ничуть не умаляетъ ея значенія: ея

¹⁾ *Wetterstrand*, Der Hypnotismus und seine Anwendung in der praktischen Medicin, Вѣна и Лейпцигъ 1891.

область остается еще достаточно обширной, ея примѣненія — достаточно благотворными, если вспомнить, какъ часто человѣкъ страдаетъ тяжелыми расстройствами нервныхъ функций. Да и дѣйствія внушенія на выдѣлительные и сосудодвигательные процессы все же оказываютъ такое вліяніе на функціи питанія, которое по своимъ послѣдствіямъ простирается гораздо дальше этой области прямого функциональнаго воздѣйствія.

Чѣмъ рѣшительнѣе признаю я цѣнность терапіи внушенія, и чѣмъ больше я желаю бы ей широкаго распространенія для блага страждущаго человечества, тѣмъ болѣе я однако боюсь, что этому распространенію въ врачевныхъ кружкахъ повредитъ излишнее усердіе гипнотизирующихъ или издѣли удивляющихся гипнотизму дилетантовъ, которые видятъ во внушеніи не только цѣлебное средство противъ всякихъ угнетающихъ насъ нравственныхъ недостатковъ, но и великій двигатель культурнаго прогресса, которому предназначено привести человечество къ невидимому еще совершенству. И вотъ внушеніе надо ввести прежде всего въ воспитаніе и обученіе: Чтобы образоватъ изъ своихъ дѣтей дѣльныхъ, нравственныхъ людей, надо будетъ, по предложенію педагоговъ-гипнотистовъ, пригласить гипнотизера. Онъ внушаетъ ребенку быть хорошимъ и послушнымъ, до тѣхъ поръ, пока не укрѣпится желаемое свойство характера.

Противъ рецидивовъ можно помочь, повторивъ лѣчение внушеніемъ. Мало этого, пожалуй, нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что при нѣкоторомъ терпѣніи можно будетъ внушеніемъ улучшать даже умственныя способности. Во всякомъ случаѣ, благодаря этому, имѣется въ виду неожиданное облегченіе и упрощеніе методовъ обученія. Вутъ почему первое, что долженъ обнаружить кандидатъ на должность учителя въ будущихъ столѣтіяхъ, это — способность гипнотизировать.

Но это примѣненіе къ воспитанію юношества дастъ только слабый намекъ на тѣ высокія задачи, которыя предстоятъ внушенію въ культурѣ будущаго. Правосудіе приметъ совершенно другой видъ. Преступникъ уже не будетъ, какъ это было до сихъ поръ, покидать тюрьму не исправившимся, но вслѣдствіе внушенія онъ будетъ выходить изъ нея морально совершенно новымъ человѣкомъ, такъ что въ двадцатомъ столѣтіи, пожалуй, можно брать прислугу предпочтительно изъ исправительнаго дома. И тюремные чиновники передъ полученіемъ мѣста будутъ впредь подвергаться экзамену главнымъ образомъ по гипнотизму. Ихъ главной задачей будетъ тогда удалить путемъ внушеній у каждаго преступника прежде всего вредную склонность, которая дала поводъ для его наказанія, и если это удастся, то затѣмъ, наоборотъ, привить ему внушеніемъ добродѣтельную жизнь. Карательныя мѣры

естественно будутъ такимъ образомъ крайне сокращены, ибо, какъ насъ увѣряютъ, „пробываніе лишь одинъ часъ въ тюрьмѣ при плодотворномъ внушеніи, пожалуй, будетъ больше соответствовать цѣлямъ уголовного права, чѣмъ пожизненное заключеніе въ тюрьмѣ безъ внушенія“. Но измѣнится не только задача тюремнаго чиновника, — задача судьи тоже будетъ совсѣмъ другою. Кто же захочетъ еще подвергаться случайностямъ намѣренно живыхъ показаній, когда, вѣдь, извѣстно, что загипнотизированный безъ записки отвѣчаетъ на предлагаемые ему вопросы? Итакъ, гипнотизировать и гипнотизировать! Прежде всего самихъ обвиненныхъ, потомъ свидѣтелей, наконецъ, пожалуй, и экспертовъ, которые, чего добраго, въ состояніи ясновидѣнія могутъ высказать болѣе надежное мнѣніе, чѣмъ при обыкновенномъ сознаніи. Правда, здѣсь никакъ нельзя отдѣлаться отъ мысли, что жулики, можетъ быть, заберутся и въ область гипнотизма и при помощи сомнамбулъ будутъ совершать преступления или же путемъ внушенія будутъ въ состояніи превращать невинныхъ въ преступниковъ. Но успокойтесь! — говорятъ намъ. „Если эта борьба преступленія и правосудія и напоминаетъ борьбу между латами и пушками, то больше шансовъ останется все же на сторонѣ правосудія, такъ какъ въ его распоряженіи всѣ вспомогательныя средства трансцендентной психологіи“, тогда какъ къ услугамъ

преступника, прибѣгающаго къ гипнозу исподтишка, только обрывки изъ этой психологii.

Но этимъ далеко еще не исчерпываются задачи „гипнотизма на службѣ государству и человѣчеству“. На область искусства я указываютъ лишь мимоходомъ. Принимается за несомнѣнное, что въ глубокомъ гипнотическомъ состоянii возможны художественныя проявленія, „начиная отъ фокусовъ акробата и кончая самыми высокими созданiями творящаго художника“. Болѣе того, высшiя проявленія творческаго искусства, по мнѣнiю авторитетовъ въ гипнотизмѣ, всегда обязаны произвольному сомнамбулизму подъ влiянiемъ сильнаго самовнушенія. Чего только мы не будемъ ожидать отъ искусства, если гипнотизмъ примѣнять уже не урывками и случайно, но вполне систематично и обдуманно, къ художественнымъ цѣлямъ!? Для исторiи культуры гипнотизмъ имѣетъ огромное значенiе въ двухъ отношенiяхъ: во-первыхъ, потому, что онъ, какъ это достаточно ясно изъ предыдущаго, произведетъ полный переворотъ въ нашей интеллектуальной и нравственной культурѣ, и во-вторыхъ, потому, что онъ сразу же какъ нельзя лучше выясняетъ цѣлую массу сомнительныхъ темныхъ историческихъ событiй. Колдовство и вѣдство уже не суевѣрныя заблужденія, а реальные и важные факты, которые слѣдуетъ подводить подъ понятiе „умственнаго внушенія“, непосредственнаго

влiянiя одного духа на другой. Даже легенды и сказки, выброшенныя изъ исторiи рационалистическимъ буквоедствомъ историковъ, опять возводятся на степень достовѣрныхъ событiй. Когда, наприимѣръ, въ сказкѣ о спящей царевнѣ обитатели заколдованнаго замка засыпаютъ какъ разъ въ тѣхъ положенiяхъ которыя они приняли, и только царевичъ пробуждаетъ ихъ отъ сна, то, говоря намъ, это „получаетъ новое освѣщенiе отчасти въ каталептическихъ положенiяхъ нѣкоторыхъ убитыхъ на полѣ сраженія, отчасти въ явленiяхъ двойнаго сознаниа“. Наконецъ, мотивы историческихъ событiй въ будущемъ просто подойдутъ подъ понятiе внушенія, и потому самой главной задачей историка будущаго является—опредѣлить, какимъ образомъ возникли массовыя внушенія, къ которымъ надо свести всѣ болѣе важныя историческiя событiя.

Но всѣ эти земныя благодѣянiя гипнотизма въ концѣ концовъ, по мнѣнiю его апостоловъ, ничто въ сравненiи съ религiознымъ значенiемъ его. Признается выше всякаго сомнѣнiя, что существованiе умственнаго внушенія доказываетъ безсмертiе, а также, что всѣ религiозныя откровенiя основываются на гипнотическихъ внушенiяхъ, и что такимъ образомъ вся исторiя религiи есть какъ бы введенiе въ исторiю гипнотизма. Вѣдь между „раздѣленiемъ языковъ“ апостоловъ во время праздника Пятидесятницы и тѣмъ случаемъ, когда кто-либо вслѣдствiе

внушения может опять говорить на забытомъ языкѣ есть только маленькое различіе въ степени, и такъ какъ внушеніе иногда можетъ вдохнуть въ загнипнотизированнаго „новое знаніе и умѣнье“, то вообще между этими двумя случаями нѣтъ уже никакого различія ¹⁾. „Если мы посмотримъ далѣе, какъ усвоенное загнипнотизированнымъ въ видѣ слова или мысли выражается у него матеріально, напр., въ видѣ стигмы, то мы получаемъ нѣкоторый намекъ на то, что и въ другихъ случаяхъ слово или мысль, логосъ, можетъ матеріализоваться, стать „плотью“. Мало этого, — такъ какъ на все твореніе надо смотрѣть, какъ на реализацію мыслей Бога, то и оно въ концѣ концовъ подходитъ подъ понятіе внушенія. Вѣдь, внушеніе—это „реализація идеи“!

Да не подумаютъ, что это мои выдумки. Все это находится частью буквально, частью по смыслу, въ сочиненіяхъ „психологовъ внушенія“, трудахъ, которые разсматриваютъ свой предметъ съ видомъ и вѣщими принадлежностями серьезной науки, въ книгахъ, написанныхъ для психологовъ и для тѣхъ, кто хочетъ сдѣлаться ими.

Нѣтъ больше никакой надобности распространяться относительно этихъ причудливыхъ порожденій науки, потерявшей голову. Напротивъ мнѣ

¹⁾ Читатель, конечно, видитъ, что авторъ смѣется надъ усердіемъ не по разуму, которое обнаруживаютъ пылкіе поклонники гипнотизма.—Пер.

кажется далеко не лишнимъ посвятить еще немного вниманія оборотной сторонѣ этой фантастической картины будущаго. Если гипнотизированіе и внушеніе, какъ этого требуютъ провозвѣстники евангелія гипнотизма, останется на будущее время свободнымъ искусствомъ въ рукахъ всякаго, кто чувствуетъ къ этому склонность или призваніе, если ими будутъ заниматься, какъ этого желаютъ упомянутые въ началѣ статьи голоса, по извѣстному плану въ обществахъ дилетантовъ съ цѣлью мнимо развитія психологін, то нѣтъ-ли въ подобнаго рода начинаніяхъ, даже хотя бы имъ пришлось получить только приблизительное осуществленіе, опасности для общества, противъ которой надо своевременно принять мѣры?

Съ тѣхъ поръ какъ *Лежюа* своими опытами доказалъ, что можно какому-либо лицу внушить преступленіе, которое оно исполняетъ или въ сомнамбулическомъ состояніи, или вслѣдствіе послѣдствій гипнотическихъ вліяній, не зная о дѣйствительномъ мотивѣ, которымъ оно опредѣляется, и что совершенно такъ же какое-нибудь лицо, благодаря внушенію, можетъ считать себя виновнымъ въ преступленіи, которому оно на самомъ дѣлѣ не причастно, — значеніе гипноза въ уголовномъ и гражданскомъ правѣ неоднократно было предметомъ обсуждения. Не замедлили также предложить особыя законодательныя мѣры противъ внушенія, а отчасти, какъ

это было въ Бельгии, и привести ихъ въ исполненіе.

Нельзя, конечно, отвергать, что гипнозъ можетъ играть иногда нѣкоторую роль въ вопросахъ уголовнаго и гражданскаго права при обсужденіи фактическаго состава, наприм., преступленія, или при вопросѣ о томъ, сдѣлало-ли данное лицо распоряженіе по свободному побужденію или вслѣдствіе противозаконныхъ вліяній. Это неопровержимо доказываютъ не только опыты надъ загипнотизированными, которые дѣлались намѣренно въ этомъ направленіи, но и тѣ факты, которые отчасти за-долго предшествовали официальному занятію вопросомъ о гипнотизмѣ. Все же, мнѣ казалось бы, что опасность, которою грозить въ этомъ отношеніи гипнотизмъ, слѣдовало бы причислить къ тѣмъ, которыя сами по себѣ не нуждаются въ особенныхъ мѣрахъ со стороны закона, но противъ этой опасности можетъ дать достаточную за щиту существующее право, если пользоваться имъ разумно и осторожно. Конечно, слѣдовательно и судѣ надобно для этого знать явленія, производимыя гипнозомъ и внушеніемъ, чтобы быть въ состояніи отличить ихъ отъ другихъ явленій, а при случаѣ также и отвѣтить на неизбѣжный при этомъ вопросъ о притворствѣ. Однимъ словомъ, они должны будутъ при обсужденіи состава фактовъ принимать въ расчетъ

всезможные случаи, къ которымъ ведетъ гипнотическое состояніе.

Однако на ряду съ судебной есть еще и нравственная сторона вопроса, которая точно такъ же требуетъ вниманія отъ общества, а при случаѣ и общественной защиты. Гипнозъ—это состояніе, въ которомъ свободная воля устранена, личная воля стала послушнымъ орудіемъ другой, чужой воли. Само собой разумѣется, что такое тяжкое посягательство на самую сущность личности, хотя бы оно продолжалось недолго и не оставило вредныхъ послѣдствій, не допустимо само по себѣ и можетъ быть оправдано только тамъ, гдѣ оно должно служить цѣлебнымъ средствомъ для достиженія высшихъ цѣлей. Даже самые ярые защитники гипнотизма признаютъ, что его ни въ какомъ случаѣ нельзя применять *противъ* воли гипнотизируемаго. Но въ большинствѣ случаевъ думаютъ, что дѣло совершенно мѣняется, какъ только онъ далъ свое согласіе. Всякій будто бы имѣетъ право подвергнуть себя гипнотизированію, если только цѣль, съ которою это дѣлается, не представляетъ чего-либо противозаконнаго. Такимъ образомъ, если кто-нибудь соглашается на гипнотизированіе, чтобы тѣмъ послужить наукѣ, то до этого никому нѣтъ дѣла.

Я не могъ бы примкнуть къ этому взгляду даже и въ томъ случаѣ, если бы при гипнотизированіи не могло быть и рѣчи о вредныхъ послѣдствіяхъ.

По моему мнѣнію, если оставить въ сторонѣ тѣ случаи, которые прямо беретъ подъ защиту законъ и въ которыхъ этого требуетъ здравіе отдѣльнаго лица или общества, никто не можетъ располагать собой въ такой степени, чтобы быть въ правѣ отдавать себя, хотя бы и на короткое время, въ безусловное распоряженіе другого, да при томъ еще такъ, что ему больше уже нельзя во всякое мгновеніе снова уничтожить подчиненіе своей воли. Современное право не терпитъ рабства; оно справедливо не терпитъ его и въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь готовъ добровольно сдѣлаться рабомъ ближняго. Положимъ, что зависимость, въ которой гипнотизированный находится отъ гипнотизера, является рабствомъ только на время, но разъ она есть, она является рабствомъ при отягчающихъ условіяхъ, такъ какъ оно отнимаетъ у раба не только право, но и возможность распоряжаться своей волей. Среди всѣхъ отношеній, въ которыя можетъ стать человѣкъ къ человѣку, самое безнравственное то, когда одинъ человѣкъ становится машиной въ рукахъ другого. И это не только въ томъ случаѣ, когда человѣкъ становится орудіемъ безнравственныхъ цѣлей, но такое отношеніе безнравственно совершенно независимо отъ того, какъ оно примѣняется. Дѣло ничуть не мѣняется, будетъ-ли такое отношеніе основываться на добровольномъ соглашеніи, или на принужденіи.

Такъ пришлось бы смотрѣть на этотъ вопросъ, даже если бы было доказано, что гипнозъ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ не имѣетъ вредныхъ послѣдствій для здоровья или для психическаго состоянія гипнотизируемаго. Такого доказательства однако не только нѣтъ, но вредъ отъ повторнаго гипнотизированія долженъ считаться несомнѣннымъ для всякаго, кто отнесется съ критическимъ безпристрастіемъ къ существующимъ свѣдѣтельствамъ, не смотря на протестъ не только гипнотизеровъ-профановъ, которыхъ нельзя считать при этомъ вопросѣ, но и нѣкоторыхъ врачей, примѣняющихъ гипнозъ. Эти врачи утверждаютъ, что они не наблюдали вредныхъ послѣдствій для здоровья или вообще, или при соблюденіи необходимыхъ предосторожностей. Однако всѣ наблюдатели сходятся относительно *двухъ* симптомовъ, изъ которыхъ одинъ дѣлаетъ въ высшей степени вѣроятнымъ вредное вліяніе на *физическую* сторону, а другой ставить внѣ всякаго сомнѣнія такое вліяніе на *психическую* область.

Первый изъ этихъ симптомовъ заключается въ томъ, что при повтореніи гипнотизированія воздѣйствіе происходитъ *легче* и *силнѣе*. Известно, что только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ удается въ первый же сеансъ получить высшія сомнамбулическія степени гипноза, но послѣ неоднократныхъ сеансовъ рѣдко бываетъ неудача, такъ что такимъ

путемъ изъ личности, сначала мало воспримчивой, можно сдѣлать очень воспримчивую. Точно такъ же извѣстно, что время и трудъ, затрачиваемые для того, чтобы погрузить извѣстное лицо въ гипнотической сонъ, становятся все меньше и меньше. *Форесть* достигаетъ летаргій и сомнамбулизма у своихъ служанокъ, привыкшихъ къ частому гипнотизированію, обыкновенно въ нѣсколько мгновений однимъ приказаніемъ спать въ связи съ сильно фиксированнымъ взглядомъ. Но ни одинъ физиологъ не будетъ оспаривать того факта, что въ этихъ успѣхахъ подъ вліяніемъ упражненія все больше и больше обнаруживается пониженіе силы сопротивленія центральной нервной системы, а это никакъ не можетъ обойтись безъ постоянныхъ измѣненій въ функциональныхъ свойствахъ системы. Но такое постепенное отклоненіе отъ нормы, очевидно, такое же болѣзненное состояніе, какъ и самопроизвольный сомнамбулизмъ. До какой степени подобнаго рода пониженное сопротивленіе мозга можетъ оказывать упорное вліяніе на жизнедѣятельность его, — это вопросъ, который еще до сихъ поръ не поддается отвѣту. Но несомнѣнно слѣдуетъ допустить не только общую возможность, но и вѣроятность такого измѣненія, на основаніи того общаго положенія, что всякое отклоненіе органа отъ нормальнаго физиологическаго состоянія таитъ въ себѣ предрасположеніе къ дальнѣйшимъ разстройствомъ. Со-

вершенно такъ же, какъ отдѣльный наркозъ подъ вліяніемъ морфія можетъ пройти безъ замѣтныхъ послѣдствій, а часто повторяемый приемъ его оставляетъ за собой несомнѣнное патологическое измѣненіе, такъ и при гипнозѣ надо ожидать того же, хотя, вѣроятно, въ другой степени и въ другомъ родѣ. То обстоятельство, что при немъ не происходитъ никакого субстанціальнаго, а только функциональное измѣненіе нервной системы, нисколько не говоритъ противъ, такъ какъ повтореніе физиологическихъ и патологическихъ процессовъ также свидѣтельствуетъ, что чисто функциональныя воздѣйствія могутъ вызвать постоянныя субстанціальныя измѣненія.

Какъ увеличивающаяся чувствительность къ гипнозу указываетъ на *физическія* послѣдствія, такъ второй симптомъ, а именно *внушаемость во время бодрствованія*, которая происходитъ отъ частаго гипнотизированія, указываетъ на *психическія* послѣдствія. Лица, часто подвергавшіяся гипнозу и приходившія въ сомнамбулическое состояніе, въ высшей степени воспримчивы къ внушенію, даже когда они не спятъ. Это было замѣчено уже не разъ. Такія лица, говоритъ *Бернгеймъ*, — „реализуютъ всякое представленіе, внушаемое имъ, всякій чувственный образъ, вызываемый въ нихъ; они способны галлюцинировать, если только ихъ въ

этомъ увѣрить¹⁾. Особенно легко могутъ вызываться въ этихъ случаяхъ „обратныя галлюцинаціи“, т.-е. обманы воспоминанія въ бодрственномъ состояніи. Наблюденія, сообщаемыя по этому поводу *Бернгеймомъ*, въ высшей степени поучительны. Приведу только одинъ примѣръ. *Бернгеймъ*, не прибѣгая къ усыпленію, внушаетъ одному пациенту клиники, который часто подвергался гипнотизированію, что сегодня съ нимъ на улицѣ встрѣтился присутствующій тутъ врачъ, далъ ему нѣсколько ударовъ палкой и затѣмъ вытащилъ у него изъ кармана бывшія съ нимъ деньги. Больной тотчасъ же повторяетъ это внушеніе съ твердой увѣренностью, что дѣло дѣйствительно происходило такъ, и онъ не отказывается етъ этого показанія, не смотря ни на какое противорѣчіе. Затѣмъ *Бернгеймъ* обращается къ тремъ присутствующимъ при этомъ разговорѣ дѣтямъ, также подвергавшимся частому гипнозу, и внушаетъ имъ поочередно, что утромъ пациентъ уже рассказывалъ имъ ту же самую исторію. Они утверждаютъ это съ полной увѣренностью, отчасти прикрашивая обстоятельства случившагося, даже готовы въ этомъ поклясться. Еще на слѣдующій день пациентъ, оставляя клинику, когда его спросили по совѣсти и обратили вниманіе на внутреннюю невѣроятность исторіи, увѣряетъ, что дѣло было именно

¹⁾ Bernheim, ук. соч., стр. 141.

такъ, и что онъ совершенно ясно вспоминаетъ малѣйшія подробности¹⁾.

Не понимаю, какъ въ виду такихъ наблюденій можно считать гипнотизированіе безвреднымъ. Совершенно ясно, что здѣсь нравственная устойчивость лицъ въ значительной степени ослаблена. Они крайне легко склонны вѣрить, что сами пережили такія вещи, противъ которыхъ они протестовали бы, находясь въ ясномъ сознаніи, и конечно, съ такою же точно легкостью ихъ можно привести къ тому, чтобы они выполняли, отнюдь не считая зазорными, а напротивъ даже необходимыми, — такія дѣйствія, противъ которыхъ при нормальномъ самообладаніи крайне возмущалось бы ихъ нравственное чувство. Если бы даже было вѣй всякаго сомнѣнія, что *посторнее* гипнотизированіе проходитъ безъ физическаго вреда, то бросается въ глаза нравственное поврежденіе гипнотизируемыхъ лицъ. Но, я думаю, теперь уже ни одинъ фізіологъ или психологъ не будетъ считать вѣроятнымъ, чтобы такое нравственное измѣненіе въ данномъ случаѣ было возможно безъ соотвѣтственныхъ измѣненій въ нормальной жизнедѣятельности мозга.

Я не вывожу отсюда заключенія, что гипнотизированіе безусловно надо отвергать. Но во всякомъ случаѣ, чтобы его примѣнять, мнѣ кажется

¹⁾ Bernheim, ук. соч., стр. 154сс.

неизбѣжнымъ одно условіе, а именно, чтобы примѣненіе могло привести къ устраненію болѣзненныхъ расстройствъ, угрожающихъ жизни и потому заставляющихъ забыть объ отдѣльныхъ неблагоприятныхъ для здоровья моментахъ. Гипнозъ и внушеніе, какъ и многія другія врачебныя средства, соединяютъ въ себѣ свойства цѣлебнаго средства и вреднаго дѣйствія. Но морфій и мышьякъ не теряютъ своего значенія врачебныхъ средствъ отъ того, что обычный приемъ ихъ ведетъ за собой тяжелыя поврежденія здоровья. То же самое и съ гипнозомъ. Только врачъ въ состояніи взвѣсить показанія въ пользу его примѣненія и въ то же время принять всѣ необходимыя мѣры предосторожности, по возможности предотвращающія вредныя послѣдствія. Занятія гипнотизмомъ со стороны дилетантовъ, не получившихъ медицинскаго образованія и преслѣдующихъ будто бы научныя цѣли, занятія, которыя теперь пропагандируются такъ называемыми психологами, а отчасти уже и ведутся на самомъ дѣлѣ, на мой взглядъ—чистое безобразіе, котораго никакъ нельзя терпѣть по общепризнаннымъ принципамъ духовнаго и нравственнаго здравія.

Иногда указывался выходъ изъ затрудненій, возникающихъ отъ того, что гипнотизмомъ занимаются дилетанты. Говорилось, что психологамъ, не получившимъ медицинской подготовки, можно позволить гипнотическіе опыты, но только при участіи врача.

Но такъ какъ для психолога имѣютъ нѣкоторый интересъ главнымъ образомъ состоянія болѣе глубокаго сомнамбулизма, вызываемыя только посредствомъ повторнаго гипноза, то это во всякомъ случаѣ предотвратило бы непосредственныя непріятныя случайности отдѣльныхъ гипнотизаций, но нисколько не устранило бы вредныхъ и упорныхъ послѣдствій привычки къ гипнозу, обнаруживающихся въ пониженіи нервной и нравственной устойчивости. Совершенно все-равно, появляются-ли эти поврежденія подъ наблюденіемъ врача, или же безъ него. Кромѣ того, почти на такомъ же основаніи можно было бы требовать, чтобы психологамъ-дилетантамъ позволили въ видахъ научныхъ наблюденій устранивать себѣ подъ врачебнымъ контролемъ особый кабинетъ для сумасшедшихъ. Безъ сомнѣнія, душевно-и нервно-больные могутъ представлять интересъ для психолога. Лучше всего, конечно, если этой стороной психологическаго наблюденія занимается психологически образованный врачъ. Однако никто не посѣтуетъ на психолога, если онъ захочетъ собственнымъ наблюденіемъ убѣдиться въ явленіяхъ, которыя его интересуютъ. Но тогда пусть онъ посѣщаетъ клиники для душевно-больныхъ и больницы. Тамъ его, конечно, примутъ съ распростертыми объятіями, если онъ будетъ слѣдовать заведенному порядку, ставящему себѣ главною цѣлью излѣченіе болѣзней. Во всемъ остальномъ больной такъ же мало

может служить объектом для опытов психолога, как и для вивисекции физиолога. По счастью, отъ этого не зависит спасеніе психологіи. Она имѣетъ въ анализѣ явленій нормальнаго сознанія такую обширную задачу, и въ ея распоряженіи находятся такія разнообразныя экспериментальныя средства, прилагая которыя, она не вмѣшивается въ чуждую ей область практическаго дѣянія и не подвергается опасности столкнуться съ санитарной и нравственной полиціей, — что наблюденіе за гипнозомъ она вполне основательно можетъ предоставить тѣмъ, кому оно принадлежитъ по праву — именно *врачамъ*, пользующимся имъ для дѣянія.

Въ дѣйствительности же, какъ достаточно показываетъ исторія гипнотическаго движенія въ психологіи, не одинъ только научный интересъ повелъ къ требованію свободнаго занятія гипнотическимъ экспериментомъ, но также и склонность къ *окультизму*, которая, являясь выдающейся составною частью духовныхъ теченій нашихъ дней, захватила, по понятнымъ причинамъ, даже и нѣкоторыхъ философовъ и психологовъ. Такова ужъ естественная особенность философіи, что она носитъ на себѣ не только слѣды научныхъ успѣховъ своего вѣка, но и его ошибокъ и заблужденій. Какъ для окультизма гипнотизмъ является „преддверіемъ къ высшимъ таинствамъ“, такъ многіе изъ числа представителей психологіи гипнотизма видятъ во внушеніи

средство подойти къ мистической психологіи съ ея психическимъ дѣйствіемъ на разстояніи, съ ея ясно-видимымъ и матеріализаціей духовъ. Даже среди умѣренныхъ поклонниковъ гипнотизма, которые далеки отъ такого суевѣрія, все же еще въ томъ или другомъ видѣ обыкновенно сказывается легкое вліяніе этого окультическаго теченія, — прежде всего въ чрезмѣрномъ превознесеніи психологическаго значенія гипнотизма, стоящемъ внѣ всякаго отношенія къ дѣйствительнымъ даннымъ, а нерѣдко также и въ склонности къ фантастическимъ гипотезамъ, которыя при ближайшемъ освѣщеніи оказываются затаеннымъ повтореніемъ извѣстныхъ и общераспространенныхъ суевѣрныхъ представленій.

Конечно, окультизмъ, если смотрѣть на него какъ на культурно-историческое явленіе, представляетъ не малый интересъ, и притомъ слѣдить за его различными видоизмѣненіями и фазами развитія, думается мнѣ, составляетъ также привлекательную задачу психологіи народовъ. Но это отнюдь не даетъ достаточнаго повода желать дальнѣйшихъ успѣховъ этому слопшъ патологическому направленію современной науки, какъ нельзя ожидать отъ врача, изучающаго съ научнымъ интересомъ симптомы болѣзни пациента, чтобы онъ желалъ ухудшенія симптомовъ.